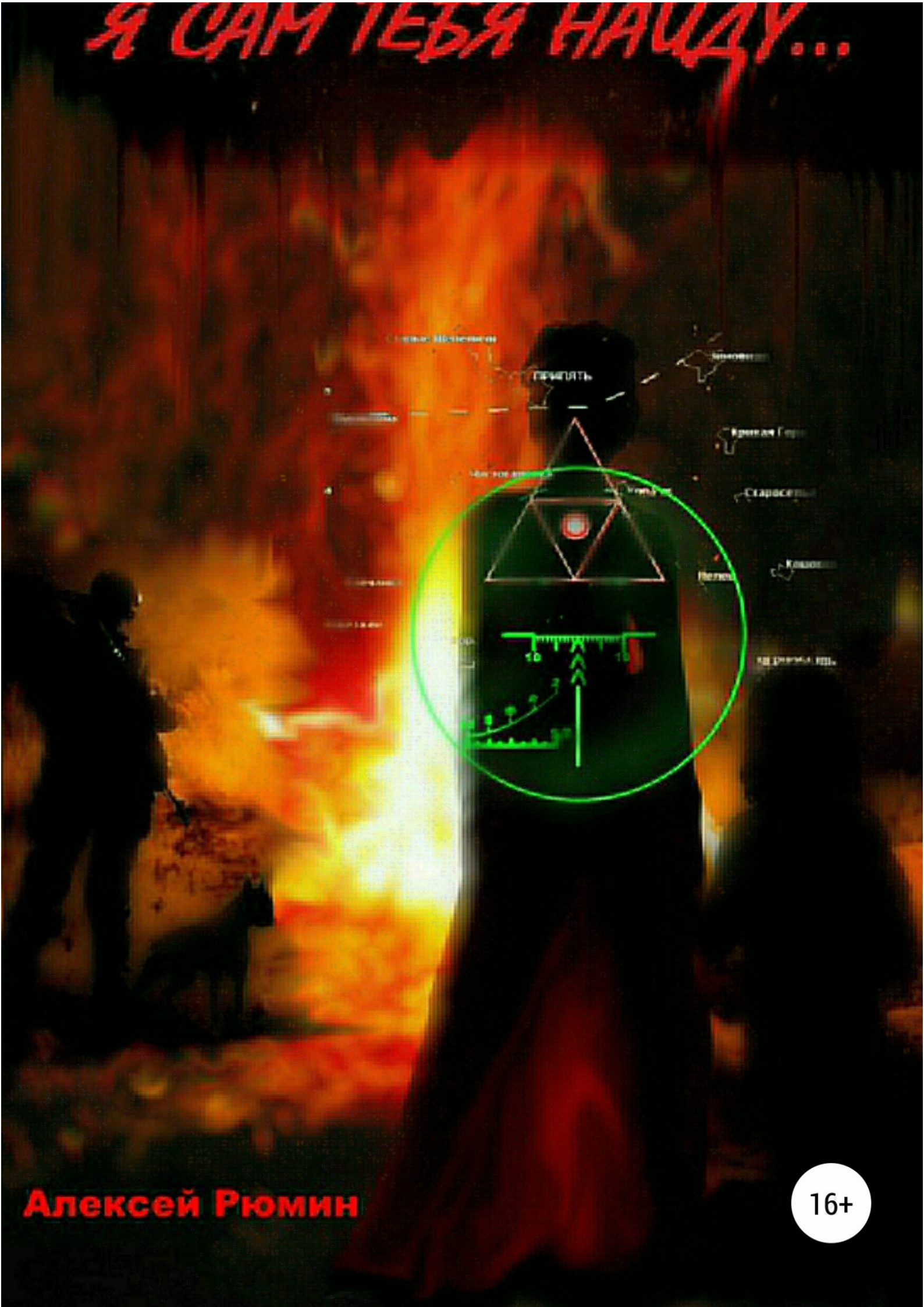

Я САМ ТЕБЯ НАЦДУ...

Алексей Рюмин

16+

Алексей Рюмин
Я сам тебя найду...

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Рюмин А. Н.

Я сам тебя найду... / А. Н. Рюмин — «ЛитРес: Самиздат», 2014

А вдруг все простое и обыденное однажды станет смертельно опасным? И в один день переменится всё - имя, место, жизнь. Главный герой теряет друга, но приобретает большее. Дембелек попадёт в такой круговорот событий, что мир встанет для него с ног на голову. Придётся пережить страдания и потери, множество ошибок ждёт его впереди. Ведь он совсем не супергерой, а обычный человек, солдат.

Содержание

Вступление	6
Глава 1. Кто спорит...	7
Глава 2. Весело веселье	9
Глава 3. Сынок	10
Глава 4. Чума	11
Глава 5. Дембелёк	13
Глава 6. Троица	17
Глава 7. Лишь бы встретить людей	20
Глава 8. Служба Митяя	25
Глава 9. Мечь	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

- Папа, а мотылек кусается?
- Нет, доченька.
- А если разозлить... или камнями?

Вступление

...Сталкер умирал... Он умирал так долго... уже вечность... с той самой секунды, как черномыльский пес вонзил свои клыки ему в горло... Этот огромный пес загнал его в тесную пещерку в обрывистом берегу неглубокой, до весеннего половодья, речушки... Казалось чудом – спастись без патронов, без ножа, без рюкзака, с пробитым «сердцем сталкера» – неисправным ПДА. Убегая от стаи слепых собак, ведомых псом-черномыльцем, он расстрелял все патроны, потом, схватив калаш за ствол, проломил башку двум зубастым тварям. Ножом и окровавленной усталой рукой отбивался от троицы белых облезлых и похожих друг на друга взрослеющих щенков. Только завалил визгливых подростков, на него из куста прыгнул недобитый крупный самец с кровавой пеной на клыках. Сталкера спасло лишь то, что пес зацепился висящими из разорванного пуза фиолетовыми кишками за корягу. Пса в полете резко дернуло назад, он упал под ноги сталкеру. Двумя руками схватив рукоятку ножа, сталкер всадил лезвие в череп собаки. Нож сломался, лезвие осталось в дергающемся уже мелкой дрожью трупe.

Наступила тишина, и сталкер огляделся. Никого. Он с облегчением вздохнул и замер: с другого края небольшой полянки на него, не мигая, смотрел пес-черномылец. Такая у этого пса тактика выматывания противника атаками подчиненной ему стаи. Сам он появляется, только когда надо ставить Точку. В голове у сталкера появился тончайший звенящий звук. Пес начал атаку с подавления воли. И человек, пересилив желание упасть на колени, рванул в сторону от смерти. Пес неотступно шел по следу, иногда даже забегая вперед, то слева, то справа... А сталкер, подгоняемый волной ужаса, перепрыгивал поваленные деревья, ломился напролом через колючие заросли, а о таком пустяке, как аномалии, даже не задумывался.

Лес кончился внезапно, обрывом. Сталкер прыгнул вперед, не успев даже подумать о последствиях, выбирать не приходилось. Обрыв был метров десять высотой, внизу протекала неширокая речушка, а на противоположном берегу, именно в том месте, куда должен был приземлиться сталкер, давал свое цирковое представление «трамплин». Он жонглировал камушками, веточками, ракушками, даже два усатых усталых рака, как на качелях, прыгали поочередно вверх-вниз. При попадании в аномалию сталкера, идиллия нарушилась. «Трамплин» сначала мягко принял сталкера, затем подбросил на метр, как бы оценивая вес новой игрушки, а затем швырнул его в сторону глинистого обрыва. Сталкер сжался, ожидая удара о высохшую твердь, но неожиданно стенка обрыва провалилась внутрь...

Глава 1. Кто спорит...

...Зона полностью перевернула жизнь людей. Она стала чем-то вроде отстойника, фильтрующего и оголяющего человеческие достоинства и недостатки. От сытой и счастливой жизни в Зону не бегают, разное у всех прошлое, есть, конечно, и светлые души. Но чаще черное прошлое, горе человека в Зону гонит, забыться хочет человек или сгинуть. Самоубийство-то – грех!!! Но Зона не султан, раздающий милостыню, «кто по душе придется – того и одарит», а что-то неизведанное, со своими противоречивыми законами физики и химии, своей неземной непостижимой логикой. И нет у Зоны понятия справедливости. Это люди делят все на Добро и Зло и думают, что сами творят свои судьбы.

В баре было шумно, вернее постоянный негромкий гул, слегка нарушаемый звоном разбитой посуды. Десятка два или три разнокалиберных сталкеров отдыхали, глуша палевою водку, заедая перловкой или пшенкой с любой из двух видов котлет... Возле дубовой стойки бара на толстой оштукатуренной стене нацарапанное ножом объявление призывало «не шуметь!» и «не курить!». Не соблюдалось ни первое, ни второе.

За крайним столиком два молодых парня своим спором привлекли внимание обывателей бара, с интересом наблюдающих развитие сюжета. Один в черной кожаной куртке с большой готической буквой «А» на спине, второй в стандартном армейском камуфляже, осушив уже по два коктейля «Слеза Зоны», чуть не упершись лбами друг в друга, громко спорили, жестами напоминая заядлых рыбаков:

– Да я с Чумой три ходки делал в Зону! Хабара набрали – семь контейнеров!

– А мы на Дальнем овраге мочили мутантов пачками, по десять рожков к калашу за ночь вылетало!!!

– А я с Чумой вот такую «медузу» нашел!!!

– А на нас десять кровососов верхом на кабанах!!!

Сталкеры за соседними столами прислушивались и ухмылялись, еле сдерживаясь, чтобы не заржать на весь бар. Они знали Чуму как трепача и расхитителя чужих тайничков, далеко от базы он ходить боялся, а новичков с собой таскал «отмычками». Не так давно заставил новичка взять артефакт «пружинку», то ли по незнанию, то ли спецом. В общем, оторвало парню кисть. Хватил сполна зононской романтики... Чума – тот еще сталкерюга! А пост у Дальнего оврага вообще чисто символический: тянется овраг от Периметра вглубь Зоны метров на двести-триста, мутанты в овраг почему-то не суются, там и трава-то не растет... А уж кровососов верхом на кабанах еще нигде не видели... После третьего коктейля, а попросту говоря медицинского спирта с каким-то вареньем, разговор повернул в другое русло:

– Найти артефакт – плевое дело, я за сутки не один найду...

– А ночь у Дальнего оврага?

– Слабо?

– Спорим?

– На что?

– Часы ставлю! Отцовские!! У меня дороже ничего нет!!! – Парень в военной форме показал карманные часы на цепочке.

– Идет! Я – мотоцикл «Ямаха» отдам!! На дембель поедешь как заправский рокер! Он у меня дома стоит в гараже!!!

Дослушать, чем кончится спор, слушатели не успели. В баре умолкли все звуки... все головы были развернуты в сторону входной двери... Молчали все: кто с поднятым стаканом, кто с ложкой у рта, кто с зажженной зажигалкой...

У двери стояли трое: Пенделеев, Пупок и Хавчик. Три опытных бывалых сталкера! И после минуты мертвой тишины, словно разом открыли ящик шампанского, грохнул хохот!!!

Все трое были необычайных цветов: Пенделеев весь лилово-сиреневатый от ногтей до кончиков волос, как баклажан, длинная борода аж переливалась... Пупок ярко-оранжево-красный и своей комплекцией сильно смахивающий на огромный апельсин... А высокий худощавый Хавчик – очень нежного зеленого цвета, как побег какого-то странного сучковатого дерева... Только глаза выделялись на этом красивом фоне...

– Красавцы!!! «Омелу» нашли!!!

Попытка этой троицы сорвать редчайший артефакт «омела» не увенчалась успехом!!! Редко кому удавалось найти, а уж тем более сорвать с черной ивы нарост в виде груши. Груша взрывалась с легким хлопком и яркой вспышкой, а находящиеся рядом люди окрашивались в несмываемые цвета... одни говорят, это связано с ДНК, другие, что оптическое преломление. Но вся кожа, волосы, даже еда и одежда – все окрашивается, кроме оружия и металлических деталей. И если бы сейчас эта троица курила, дымы были бы разные. И не переоденешься – не помогает! А свой цвет возвращается у всех по-разному, кто-то год ходит цветной, кто полгода... Шутки обеспечены надолго, а для суровой сталкерской жизни это как «цирк приехал!», жаль, артефакт редчайший.

И тут кто-то вспомнил знаменитого Озона – это вызвало новый колоссальный взрыв смеха.

В Старые времена, когда каждый артефакт открывался впервые, один сталкер нашел «омелу», попытался взять, но в результате вернулся из Зоны сверкающий, как медный подсвечник! Как его не грохнули солдаты на периметре, он же блестел, как робот из первых фильмов. И получил сталкер-первооткрыватель прозвище Шура Медный.

Так вот этот Шура Медный сходил в ближайших развалинах по-большому и оставил там дерьмо, такое же – цвета начищенной до блеска меди. Лежит – блестит! И надо же – нашел это «сокровище» Озон (хотя Озоном он после этого стал). Сложил аккуратно в контейнер и припер в Бар. Еще с пеной у рта всем доказывал, что это точно новый артефакт:

– Смотрите, какой цвет!! А запах, запах!! Чисто озон!!! Озоном пахнет, грозой!!!

И сколько еще народа потом неоднократно било Шуру Медного за его «потерянные артефакты».

Гогот не смолкал, вечер получился незабываемым, и поэтому никто не обратил внимания, как два спорщика о чем-то пошептались с барменом, рассчитались и нетвердой походкой, обнявшись, двинулись к выходу.

Глава 2. Весело веселье

Утром спорщики встретились на скамейке у бара. В головах стояла зыбкая картинка вчерашнего спора...

Митяй корил себя в душе, что хорошенько приврал о рейдах с Чумой. Ходил-то всего два раза. Митяю до сих пор противно в душе за эти ходки. В первую вылазку проследили одного сталкера, куда тот хабар спрятал, и вскрыли тайник. Взяли несколько артефактов, Чума сказал «дешевка», а у самого глаза загорелись, все себе забрал, да Митяю и не надо было такого артефакта.

Второй раз обшмонали двух сталкеров, попавших в «трамплин». На глазах беда случилась. Шли двое сталкеров навстречу Чуме с Митяем, тропа старая, «аномалии местные – всем известные», а один из них новичок, видно, был. Шагнул с тропинки срезать путь и в «Трамплин» попал... Второй оглянулся, прыгнул, видно хотел выдернуть парня. Схватил его за ногу и тут как рявкнет! Высоко их подбросило... ударились крепко. Молодой еще жив был, попытался приподняться, но Чума его коленом прижал и ножом ткнул под ребра. Митяй от быстроты и неожиданности произошедшего окаменел. А Чума сказал, пряча глаза, это чтоб парень не мучился... Но Митяю показалось, что не сильно повредился парнишка, успел его старый сталкер выдернуть. И сам спаситель, может, остался бы жив, да наткнулся нижней челюстью на крест чьей-то безымянной могилки. Так и пробил черепок насквозь... Тоже хабар у них взяли, автоматы, снарягу кое-какую. «Не пропадать же!» – сказал Чума. Не дал Чума ему ничего с того хабара, калаш покоцанный с двумя рожками сунул и «в расчете» говорит. Ушел бы от него Митяй, да неохотно сталкеры новичков берут, а от Чумы тем более...

Второй спорщик был в солдатском обмундировании, берцы начищены, камуфляж щегольски подогнан, ремень кожаный, но глаза выдавали болезненное состояние организма. Он тоже не рад был предстоящей рокировке, дисциплинарным батальоном пахнет... но отступать некуда, спор был на глазах многих в баре, и бармен спор разбил, часы на хранение взял и документы на «Ямаху»...

Молча поздоровались, присели на пустые оружейные ящики, закурили, Митяй кашлянул:

– Как дела?

– В норме... Будешь?

– Если немного...

Митяй достал начатую бутылку водки, разлил, выпили не закусывая, помолчали... Минут через десять оба повеселели, и будущее показалось не таким мрачным...

– Ну что, Митяй, махнемся не глядя?

– Давай! А то скажут «трепачи»... Я Чуму предупрежу о том, что вместо меня ты пойдешь. Сегодня 2 июня, в пять дней уложите, на седьмое июня встретимся. Чуме по барабану, кто пойдет, лишь бы груз тащил...

– Вот и у меня смена в карауле пять дней. От наших – я, от украинцев – один будет, скорее всего опять Данила, и два бойца от миротворцев... кто там будет – не знаю. В принципе, никто никого не знает. Данила не выдаст, я его прикрывал не один раз. Он живет где-то рядом... домой бегает.

Парни договорились о месте и времени встречи, выпили еще по одной и разошлись... Через час встретились, переоделись. Митяй, отдавая кожаную куртку, солидно назвал её сталкерским комбезом, и они, как старые приятели, разошлись, хлопнув по рукам:

– До пятницы!

Глава 3. Сынок

«– Нынче Хватаю юбилей! В Зоне каждый день рождения – юбилей. Что преподнесем старому ходоку от анонимного общества сталкеров?»

– Эй, бродяги! Есть у меня идея! Давайте ему фотографии с нами всеми подарим на память. Не чужие же вроде люди... У меня и «Вспышка» есть! Молодец Хватай!!!

– Ценю ваше сталкерское братство, решили порадовать старика, – сказал гордо Хватай, поднимая правой рукой полный стакан...»

Хороший пинок разбудил прикорнувшего на ступеньках старого однорукого сталкера. Мимо прошла в бар четверка хмурых, заросших многодневной щетиной сталкеров в потрёпанных комбезах.

«С Зоны... – подумал Хватай, шагнув за ними в полумрак бара, – может, что-то и обломится, хотя вряд ли, больно мрачные. Видать, неудачно сходили... потеряли кого-то».

Хватай подошел к барной стойке и постучал прикрепленным к протезу алюминиевым стаканчиком.

«Хватай, вот старый плут, ходит как призрак, что и не заметишь...» – вздрогнув, подумал про себя бармен Костик.

Хватай заискивающе улыбнулся бармену.

– Вчерашние спорщики-то проспались? Не видно что-то?

– «Сурьезные» ребята! – усмехнулся бармен. – На хранение часы именные оставили и доверенность на мотоцикл!!! Наверно, головы поднять не могут после вчерашнего...

– А что за часики? – спросил, так, ради разговора, Хватай.

– Да вот! – бармен достал из сейфа карманные часы на цепочке. – Говорил пацан, что «отцовские»!

– Случайно, номер не «4633»? – вдруг осипшим голосом спросил старый сталкер и дрожащей рукой сжал край барной столешницы.

– Да, 4633, – с трудом рассмотрев потертые цифры, удивленно подтвердил бармен.

– Не может быть! Это же мои часы! Я сыну оставлял! Сын он мне... Серёжка! – и лицо Хватая стало каким-то поистине старческим, и без того седые волосы сейчас казались просто выбеленными, глаза бегали по лицам сталкеров в надежде найти помощь. – Не виделись мы с сыном лет пятнадцать-двадцать, отсидел я десятку, а жена домой не пустила. Ни жилья, ни работы. Часы перед тюрьмой ему оставил, дедовские еще. Проверь, ходят? Ходят! А то!!! Британские Вооруженные силы! Швейцария для Армии сделала. Сюда подался, думал, временно, а оно вона как – привязала Зона...

– Да судьба! Рядом вчера были, а не встретились и не узнали друг друга...

– На Дальний овраг в караул сегодня уехал твой солдатик, машина два часа назад ушла. В пятницу обратно будут, встретитесь!

– Так они же поменяться местами хотели?

– Какое поменяться! Пустозвоны! Небось, стыдно будет и в баре теперь появиться! Ишь, вчера как раздухарились! Вот тебе подарок так подарок! Сына второй раз обрел!

– Ещё? – спросил бармен, подливая жидкость в алюминиевый стакан, закрепленный в протезе старого сталкера... Но Хватай его уже не слышал, он плакал, не вытирая слезы...

Глава 4. Чума

Чума сидел на сухом пайке: неделю назад ввязался в картежную игру и продул. Со сталкерами в карты играл редко, обидчивые все, а оружие под рукой, на Арену вызовут, замочат за милую душу, еще и наварят на этом. А эти были приезжие, Брянск или Рязань, не помнил, деревня короче. То ли журналисты, то ли геологи, Чума так и не понял. Угостили водочкой и давай об артефактах расспрашивать, раззадорили, да и водочка на халяву, говори да пей. Ну и дотрепался. Подсунули колоду карт, а Чума сам и предложил, «давай, мол, по копеечке», у Чумы лагерь «Сокольский» пройден, поиграно. Ну, сначала вроде фартило, заезжие чувачки погрустнели, пошли ва-банк, поставили все, что было у них. Чума хотел их в долги вогнать, поднял ставку, сколько мог, и тут повезло партнерам: сорвали они банк, радовались как дети. А он еще повторил, и опять случайно выиграла «деревенские». Пообещал им Чума артефакт «ломоть мяса» да «кровь камня», и покатило! Сыграл еще – задолжал еще и «медузу» с «каплей». Стали у игроков-собеседников лица потверже, взгляд посуровой. Поздновато понял Чума, что «каталы» это были и что попал он, как последний лох, на хорошие бабки. Сроку дали ему две недели, «пожалели». Они и других сталкеров втягивали, да не все соглашались, а кто согласился, все проиграли, что имели.

Влетел Чума в долги, а на горизонте – пусто, идти куда-то одному – боялся, а за компанию с кем-то его не брали. Знали, что у Чумы руки липкие, водятся за ним грешки, и не брали его поэтому.

Придется с пацаном опять идти. Чистюля попался. Когда сталкерского новичка у «трамплина» дорезал, чистюля чуть с кулаками не кинулся! Еле доказал сосунку, что будто помог раненому, мучения прекратил. Новичка напарник выдернул, успел, самому ему не повезло, правда, но это случайность. Новичок если бы успел очнуться – не видать бы Чуме хабара, вот и пришлось, так сказать, малой кровью обойтись.

Договорились с вечера встретиться у водокачки и до сторожки дойти, чтоб утром сразу в дорогу.

Пора бы идти, а то сопли этого Хватая уже порядком надоели. Чума вышел из бара, ничего полезного и толкового не услышал, хабаром никто не хвастался. Нередко Чума хороший хабар перехватывал, подслушав пьяную болтовню. Сейчас придется в засаду сесть, подождать одиночку с хабаром, ну, если прижмет, и двоих можно попробовать снять. А Митяй этот если права начнет качать – в аномалию сунуть недолго. Чтоб трепал поменьше. Ляпнет, ненароком, кому-нибудь, и отвечать придется за крысятничество.

Чума, с рюкзаком и полной снарягой, подошел к водокачке. Там сидел уже парнишка, но не Митяй. В митяевском комбезе с буквой «А» на спине, и автомат у него был митяевский, вон приклад пулей расколот, Чума сам изолентой замотал и парню втюхал в счет работы. Чума огляделся:

- Эй, фраерок, ты здесь парнишку не видел?
- Митяя? Я за него!
- А тот где? Слинял, что ли?
- Да, приболел что-то. Я схожу вместо него, я помогу. Возьми с собой.
- Че, новичок, что ли, учи вас опять. Ладно, за пять процентов пойдешь?
- Пойду! За десять!
- Семь! – отрезал Чума. – Как звать-то?
- Сергей Андронов.
- Не-е... Кликуха какая?
- Дембель, – подумав, сказал парнишка.
- Ну, какой ты нахрен Дембель, так – Дембелёк... Пошли!

Они двинулись, Чума впереди, парнишка след в след.

Глава 5. Дембелёк

Чума оказался суховатым крепким мужиком, примерно 35 лет, с лисьим взглядом. С вальтером на поясе и калашом, доработанным каким-то умельцем до совершенства, с прекрасной оптикой, с хорошим глушителем и спаренными магазинами от РПК на 45 патронов. Комбез тоже неплохой. Дембелек видел такие комбезы только на везучих сталкерах, которые могли себе позволить такую снарягу. Митяй, правда, сказал, что Чума к везучим не относится и Митяя за десять процентов с собой брал.

Они дошли до сторожки, стоящей на краю Периметра. Отсюда до блокпоста метров триста. Все схвачено: энная сумма за вход, энная сумма за выход, оплата сразу.

– Утром пойдем, рванем по бездорожью, – Чума решил проверить парня, – бандюков встретим – стрелять будешь?

– Если они начнут – буду!

– Когда они начнут, ты уже лапы склеишь! Первыми бить надо!!! Понял?

– Понял! А как я узнаю, бандюги или нет?

– А я на что? Как скажу: бандиты, так и готовься! Ладно, спи давай!

Дембелек недолго ворочался на голых досках, армейская привычка спать при любых обстоятельствах взяла верх над неудобствами. Чума захрапел сразу, как человек с чистой совестью, как младенец. Только рука сжимала рукоятку ножа все время.

Утро было туманным, в воздухе висело столько воды, что, казалось, скоро в легких забулькает.

Выйдя из сторожки, Чума сразу же запнулся о корень, торчащий из земли, пропрыгал несколько раз на одной ноге, взмахивая руками, как раненая цапля крыльями, и только чудом не упал на сырые черные коряги. И непуганую тишину оглушил отборный мат во все горло – Чума оповестил мать-природу о своем отношении к ней. «Не в путь!» – мелькнула у Чумы мыслишка, и он поплевал через плечо три раза. Дембелек тихонько усмехнулся и двинулся за сталкером.

Блокпост прошли быстро, Чума поздоровался за руку со старшим лейтенантом, тот сразу же сунул руку в карман и махнул, проходите.

Солдаты мрачно смотрели вслед, у Дембелька вдруг похолодело между лопатками. Он знал, что за попытку прорыва на охраняемую территорию можно получить пулю, а солдатика – отпуск. И, может, перевод в другую часть, где о счетчиках Гейгера и не слышали. И сколько раз чесались руки у солдат всадить пулю этим бродягам да уехать домой, отдохнуть. Все равно гибнут сами как мухи в этих аномалиях. Об аномалиях Дембелек знал только теоретически, заставляли учить наравне с уставом, артефакты кое-какие видел, проходили через посты груженные сталкеры. Обыскивали, находили. Чаще проходили пустые, оборванные, кровью залитые, своей и чужой. Еле приползут, воды просят или жратвы какой, отлежатся немного, в «Берлоге» посидят, прогундят, что все, больше в Зону не ходок, а смотришь, опять в Зону просятся. Если не пустишь – в любом месте колючку вскроют и все равно проберутся. А тебе эту колючку отремонтируй да натягивай, лишняя работа. Так и заключили негласный договор. Мы их не трогаем, они платят и не портят с нами отношения.

Дембелек поймал себя на мысли, что думает еще как солдат, «мы» – это солдаты, защищающие страну от нечисти, ползущей из Зоны, и «они» – это сталкеры, обросшие, немые, пахнущие перегаром и нечищеными зубами, гнойными ранами, с разбитыми дробовиками, с висящими связками собачьих хвостов. А ведь сам сейчас идет, глядя в заштопанный вещмешок Чумы, через ткань отпечатываются контейнеры для артефактов, гранаты. Пристегнута фляжка с водой, а может с водкой. На прикладе калаша зарубки, так обычно отмечают количество врагов, убитых из этого ствола. У Чумы этих зарубок...

Дембелька что-то толкнуло в грудь, и он не успел сосчитать зарубки. На него зло смотрел Чума:

– Ты че, по парку гуляешь, в натуре? На прогулке, что ли! Слон! Топаешь как... как... как. – Чума не мог подобрать животное, так как о слоне он уже говорил. – Смотри под ноги – мы уже в Зоне!!!

Дембелек смущенно промолчал, он и правда что-то расслабился. Огляделся, переход от нормального леса к этому он прозевал. Теперь с удивлением смотрел на деревья, ветви которых были завернуты по спирали вверх. Как будто торнадо закрутил их, и замерли деревья в таком виде навечно.

– Смотри влево! Видишь? – Чума тыкнул стволом автомата в сторону небольшой полянки.

Там была невысокая трава. Без каких-либо отклонений. Обычная полянка. Но тут Дембелек заметил, что туман как бы рассечен невидимым стеклом на уровне пояса.

– Что это? Аномалия? Какая?

– А ты подойди спроси! – Чума усмехнулся и пошел дальше.

Дембелек присмотрелся внимательней и заметил в траве белеющие косточки, вон череп, глазницей похож на человеческий, чуть дальше, как мячик, тоже вроде черепушка.

Дембелек рванул за Чумой.

– Куда идем-то?

– Тропинка тут есть на Темную Долину, там посидим, подождем нужных людей!

– Встреча, что ли?

– Да, принести кое-что должны. Хорош базлать! Под ноги смотри.

Они шли еще несколько часов. Дембелек уже взмок, а Чума хоть бы что – шагал как робот, только головой вертел во все стороны.

Несколько раз попадались самодельные кресты, то с надетым противогазом, то проржавевший ствол воткнут в бугорок, то разрытая зверьем могилка с поваленным крестом и разбросанными косточками.

Дембелек подошел к одной могилке с висящей на кресте сумкой от противогаза и заглянул в сумку. Там лежал кусок то ли камня, то ли дерева. Дембелек достал и стал внимательно рассматривать находку. Это был спрессованный до зеркальности кусок дерна, сжатый так, что в нем отпечатались все растения, и что странно, пчела была впечатана в камень так, как будто он был из мягкого воска. Интересно! Надо потом кому-нибудь показать или домой привезти. Показывать найденное Чуме Дембельку почему то не хотелось.

– Ну что застрял? – послышался голос напарника. – Шевели помидорами!!!

Дембелек сунул находку в карман и догнал Чуму.

– Что там?

– Могилка.

– Не будешь меня слушать, и твоя здесь будет!

Они двинулись дальше. Шли долго, но дорога была Чуме знакома, он только изредка смотрел в ПДА и сверял направление. Дембелек отстал от Чумы и, убаюканный монотонностью ходьбы, чуть не прозевал нападение какой-то твари, она пролетела мимо только случайно. Дембелек, схватив автомат как дубину, хрястнул по хребту. Потом еще и еще. Тварь, не замечая ударов, развернулась и, ощерив острые зубы, полетела на новичка. Дембелек, вложив все силы в удар, врезал по морде этой полусобаке-полуволку. Кости треснули, и автомат тоже. Пес от удара сделал большое сальто, но, упав на землю, рыча полз к Дембельку. Отбросив искореженный автомат, достал нож и разящими ударами прикончил пса.

– Фраерок, ты где? – из-за кустов вылез Чума и присвистнул: – Ни хрена себе! Завалил?

Дембелек устало кивнул.

– А че не стрелял?

Дембелек удивленно поднял глаза, от неожиданности нападения он забыл, что автомат стреляет, и сейчас, глядя на то, что осталось от автомата, растерялся.

– Ладно, не горюй! Не каждому удастся замочить псевдопса голыми руками, его и пулей трудно завалить. Повезло тебе, корешок! Может, и госпожа Удача с нами? – Чума хмыкнул. – На! Держи, потом отдашь! Спину прикроешь, если что... не потеряй! И стреляй, а не колоти!

Чума протянул черный, с потертой рукояткой, вальтер.

Прошли еще пару километров. Чума шел впереди, Дембелек пытался держаться шагах в пяти от него и настороженно оглядывался назад. Оказалось, не зря. Ломая кусты, вылетела сзади туша кабана. Дембелек, как на стрельбах, всадил три пули в голову летящей на него махины. У кабана подогнулись передние ноги, а тело по инерции пролетело метра три и затихло перед Дембелем.

Чума тоже стал в кого-то стрелять. Секач, не меньше первого, вылетел сбоку между Чумой и Дембелем. Чума резанул очередью, пули прошили тело кабана и землю перед ногами Дембелька. Тот запоздало подпрыгнул. Секач затормозил в кустах, развернулся и помчался на Дембелька. Чума, не целясь, дал очередь. Пуля попала в рукав Дембельку, от рывка пистолет вылетел из руки. Кабан мчался на безоружного парня. Дембелек выдернул нож, бесполезную вещь против этого матерого, покрытого щетиной секача. Но Чума уже взял себя в руки, успокоился и срезал короткой очередью клыкастого в паре метров от парня. Туша подкатилась к ногам Дембелька, и он всадил нож в глаз животного.

Чума осторожно следил за движениями в зарослях, ожидая продолжения атаки, но в лесу было тихо.

– Покурим? – Чума скинул рюкзак и сел на тушу. – Здоровы, черти?

Дембелек присел на траву, руки дрожали, да и ноги тоже:

– Ты же меня чуть не убил!

– Так не убил же! Это Зона! Не ты, так тебя!!!

Помолчали. Чума, сделав глоток, протянул фляжку Дембельку. Водка. Сделав пару глотков, отдал флягу обратно. Через пару минут дрожь прошла.

Чума деловито отрезал копыта от кабанов, уложил в пакеты и сунул в рюкзак Дембелька.

– Не пропадать же, живые деньги.

– Скоро придем?

– Немного осталось. Часа через три были бы на месте. Да ночь скоро. Устроимся здесь, кабанья территория, других они не терпят, может никто и не заявится.

Чума огляделся, заметил два огромных, в человеческий рост валуна, направился к ним.

– Тащи сухостой, костер сообразим, сыро. Ночью будет каюк. Тащи больше, чтобы ночью от костра не отходить.

Дембелек таскал сучья, складывал у костра. Чума вырубил маленькие елочки, растущие кустом, рядом с валунами, сделал постель.

– Еще пару-тройку сруби вокруг, чтобы к нам незаметно не подобралась.

Спали поочередно. Сначала спал Дембелек, а Чума дежурил. Разбудил Серегу через некоторое время и улегся сам. Дембелек только утром понял, что Чума обманул его, дав поспать всего пару часов, а сам спал до утра. От обиды, что его провели, как пацана, Дембелек достал вальтер и над ухом у Чумы стрельнул в сторону корявой сосны, всю ночь пугавшей его своим сходством с чудовищем. Чума взлетел, сумасшедше вращая глазами, как сова в передаче «Что? Где? Когда?», схватил автомат, передергивая затвор несколько раз, выкидывая патроны.

– Показалось! – вид у Дембелька был серьезный, но Чума еще долго с подозрением поглядывал на новичка. Банку тушенки поделили пополам, вместо хлеба сухари, вода вместо чая. Завтрак окончен.

Глянув на ПДА, Чума резво пошел вперед. Видно, утренняя встряска добавила бодрости.

Пискнул детектор. Чума тормознул. Посмотрел в ПДА, повернулся влево, вправо, сделал несколько шагов вправо, постоял, еще шагов пять.

– Иди сюда, осторожно. Иди вправо десять шагов и прямо десять, рюкзак оставь.

Дембелек пошел. Сделав десять вправо, внимательно посмотрел вперед. Вроде чисто, только какое-то чувство, будто воздуха не хватает, он сделал еще пару шагов вправо.

– Ты куда? – зашипел Чума. – Прямо иди!

Дембелек не послушал, сделал еще шаг вправо, дышать стало легче, шагнул вперед, еще шаг, еще, еще, опять сдавило грудь, обратно влево. Легче, вперед, еще, еще.

– Все, стой там! – крикнул Чума и по следам Дембелька прошел к нему. Отдал рюкзак, пошел вперед осторожно, потом обернулся:

– Воронки были, мелкие, но много, как ты проход нащупал, без детектора? Как будто почувал.

– Чума, а если бы меня в воронку затянуло?

– Да ты что! Воронки же маленькие! Да и я рядом! Не бойсь! – Чума так фальшиво засмеялся, что понятно стало, что в детском саду на утренниках он не выступал...

Прошли дальше метров двести, сзади ухнуло.

– Кто там еще за нами, хвост? Пойдем посмотрим. – Чума сделал полукруг и вышел к аномалиям.

Вокруг валялись фрагменты человеческого тела, одежда в клочья, мясо дымилось, и запах был как на горелой мусорной свалке – пахло жженой костью и еще чем-то специфическим. Как от протухшей рыбы.

– Это сталкер?

– Зомби! Потаскился за нами, а мы его и не видели. – Чума пнул носком ботинка череп.

Голова была лысая, вся в струпьях и в коростах, глаза висели на ниточках, ушей не было, и беззубый рот с объединенными губами. Дембелек отвернулся, полбанки тушенки вылетело в одну секунду.

– Ну что ты, как девица красная! – Чума довольно усмехнулся. И Дембелек понял – это ему за утренний выстрел над ухом Чумы.

Вскоре дошли до небольшого ущелья. Слева и справа были холмы, а между ними изви-листый проход.

– Вот тут и подождем! В кустиках. – Чума суетливо стал готовить позицию, притащил булыжник, положил перед собой, поваленное дерево сбоку. Сектор обстрела был большой, он охватывал весь проход между холмами. Дембельку он показал позицию в метре от себя, тоже за кустом. Дембельку был виден дальний участок прохода.

– Не стреляй, пока я не начну, вальтер не калаш. А ты посматривай, могут ПДА выключить, я не увижу. Толкнешь меня, если что, я сориентируюсь!

Он в ожидании уставился в ПДА.

Глава 6. Троица

Найти артефакты в Зоне дело не простое и всегда связано с огромным риском. Аномалии выплевывают сгустки энергии в виде причудливых изобретений природы. Например, «электра», разряжаясь, выбрасывает «бенгальский огонь», «вспышку» и очень редко – «лунный свет». Эти артефакты сил прибавляют порядочно, усталости совсем не чувствуешь. Молись только, чтобы «электра» на пути не попала – «мамка-электра» убьет сразу. Да и фонаят немного арты, достать их очень трудно, но покупатели платят хорошие деньги за эти феномены, особенно за «лунный свет». Другие аномалии тоже преподносят подарки, и каждый со своими свойствами.

Сталкеры сдают добычу перекупщику в баре, а уж у того и ученые, и ювелиры, и коллекционеры выбирают на свой вкус. Можно сдать и напрямую, но тогда покупать будешь оружие и боеприпасы втридорога, а сдавать бармену артефакты за копейки. Себе дороже. Можно, конечно, если бармен не узнает, а он узнаёт почти всегда, и тогда прячься от обозленного бармена, стакан чая не продаст.

Ученые часто дают заказы на тот или иной артефакт, кто-то берется и приносит, кто-то берется и пропадает. И цена тогда на этот арт возрастает, идут за артефактом новые ловцы удачи, и опять кто-то приносит – кто-то пропадает. Получив деньги, покупают снаряжение, патроны, еду, аптечки. Чтобы опять пойти в Зону, все потратить, расстрелять, потерять, убегая от стаи слепых псов или кровососов. Чтобы найти копеечный артефакт и повторить все снова. Это Зона! Она затягивает. И мало найти артефакт, его надо еще и донести до блокпоста или до бара «Сто Рентген», «Янтаря», Сидорыча, до любого, кто купит эту радиоактивную загадку. И всегда артефакт – это риск. Нарваться на известную или неизвестную аномалию, на мутантов, на бандитов, просто погибнуть от Выброса, не добежав до укрытия, да много опасностей подстерегает сталкера в Зоне. И часто добытые кровью и потом, а иногда и жизнью напарника артефакты попадали в руки таких, как Чума, который лежал в засаде у выхода из Темной Долины и ждал.

Три сталкера шли устало к выходу из Долины. Первым шел невысокий молодой парнишка в куртке новичка, но с двумя автоматами и тяжелым рюкзаком за плечами, он шел медленно, внимательно вглядываясь в ПДА. Время от времени останавливался, чтобы его напарники могли его догнать. Два раненых сталкера отставали. У высокого была забинтована нога. Он опирался на СВД, как на костыль. Другого бойца качало во все стороны, как пьяного. Проходя несколько шагов, он останавливался, обхватывал голову руками, издавая при этом крик боли.

Троица медленно приближалась к проходу между холмов.

А Чума увидел, как на экране ПДА зажглись три точки и медленно двигались к ущелью.

«Трое – это много, не справлюсь. Двигаются медленно, значит, осторожничают, вычислят в шесть секунд», – и Чума резво отполз в густые заросли, впопыхах оставив ПДА на прежнем месте. Дембельку он ничего не сказал, он о нем не вспомнил даже, а потом было уже поздно.

Дембелек завертел головой в поисках напарника, и тот крикнул:

– Это не то! Лежи, не дергайся!

Дембелек увидел, как впереди идущий сталкер, посмотрев в ПДА, оглянулся, показал своим товарищам условный и понятный всем сигнал «Впереди один! Я пошел!». Выставил ствол автомата вперед и осторожно выглянул из поворота. Дембелек, опустив голову, лежал, не шевелясь. Его в прицел осматривал Первый и, не опуская ствол, крикнул:

– Митяй! Ты? – и сразу, не дождавшись, пока Дембелек поднимет голову, позвал товарищей. – Давайте сюда, это Митяй! Свой!

Из-за поворота вышли раненые сталкеры. Тут первый понял, что это не Митяй лежит, а только куртка Митяя на неизвестном. Он напряженно поднял ствол:

– Ты кто? И где Митяй, почему ты в его куртке?

– Я – Дембелек, мы с Митяем поменялись, поспорили...

– На что?

– На «Ямаху»!

Сталкер опустил ствол и улыбнулся:

– Точно, митяевская замашка! Вечно спорит на свою «Ямаху» по любому поводу, потом ноет, выпрашивает назад! Давай сюда, мужики! Все нормально, свои! На серьезного контролера сегодня нарвались, только мы и ушли, трое там остались.

Он бросил рюкзаки у ног Дембелька и пошел навстречу товарищам. Подставил плечо хромоту и обнял за плечи другой рукой ослабевшего сталкера, двинулись сплоченной троицей к Дембельку.

Их всех троих откинуло густой автоматной очередью назад. Сталкер с забинтованной ногой успел на взлет выстрелить из СВД в кусты, откуда велся огонь, и свалился в траву. Чума упустить такой шанс не мог. Он подбежал и прошел их очередью еще раз.

– Ты... ты что сделал?

Дембелек ошарашенно глядел на Чуму и медленно поднимал ствол вальтера.

– Не дури, пацан! Продырявлю в решето! Бандиты это! – Чума держал на мушке Дембелька. – Опустит ствол и брось на землю! И десять шагов назад!

Дембелек бросил ствол в куст, отшагнул назад и оказался в проходе между холмами, там, откуда пришли сталкеры. Он смотрел на дуло автомата и понимал, что Чума свидетеля не оставит. Его только удивляло, почему тот не стреляет сейчас. Напряжение нарастало. И тут Чума резким движением откидывает пустой магазин. Выдернув с треском рвущейся ткани из узкого кармана на штанах комбеза запасной рожок, вставляет магазин, передергивает затвор и навскидку стреляет вдогонку убегающему Дембельку.

Но Дембелек этого уже не видел. Он, как только Чума отшелкнул пустой магазин, рванул в сторону Темной Долины так, что «ветер обгонял». Выскочив с другой стороны ущелья, Дембелек повернул влево от входа и залег за куст. Чума выскочил вслед за ним, но далеко от входа не пошел, впереди были густые заросли. Он через прицел медленно оглядел местность впереди. Там были только неподвижные кусты и мрачные черные деревья. Догонять Дембелька Чума не стал, был уверен, что всадил не одну пулю в бывшего напарника. Чума поспешил вернуться к своей добыче, пока собаки не напали.

Дембелек долго лежал в низких кустиках с синими мелкими ягодами, не шевелясь, боясь, что выдаст себя и уберет Чума единственного свидетеля. Сердце стучало так, что даже казалась, раскачивалась ягодка земляники в траве перед глазами. Как Чума не попал, это было чудом! Дембелек и подумать не мог, что найденный в противогазе кусок спрессованного дерна не что иное, как артефакт «каменный цветок», и имеет замечательное свойство снижать поражение от стрелкового оружия за счет создания защитного поля.

Прошло не меньше двух часов. За это время Дембелек передумал все варианты. Лучший вариант – ждать здесь сталкеров и под их защитой выйти из Зоны. Но кто вперед придет: мутанты или люди? Нужно оружие, хотя бы нож, не мог же Чума забрать все. И где он сейчас? Надо рисковать, ночью это смерть! Дембелек поднялся и ползком пополз по проходу, добравшись до выхода, осторожно выглянул, ожидая пулю в голову. Тишина. Выглянул смелее. Никого. Даже трупов не было, и оружия, и вещмешков. Ничего.

«Но не мог же Чума их унести далеко». Дембелек стал обыскивать ближайшие кусты, потом проверил те, что подальше. Там и нашел убитых. Они лежали по порядку, так же, как стояли, когда Чума их расстрелял. В заброшенной ветками яме были рюкзаки, автоматы без затворов, СВД без оптики и затвора. В рюкзаках пустые контейнеры, аптечки, фляжка с водой,

сухари. Таблетки для обеззараживания воды, еще кое-какие мелочи. Дембелек выбрал один рюкзак и стал складывать все мало-мальски целое и пригодное. Вернулся к кусту, куда бросил вальтер, пистолет так и лежал здесь. «Уже хорошо!» – подумал Дембелек. Он продолжал бродить по кругу, обыскивая каждую травинку. И нашел, сначала с десятков патронов от СВД и рожок от калаша, а потом и затвор от снайперской винтовки, оптики нигде не было. «Наверно, дорогая оптика и Чума забрал её с собой, – вздохнул Дембелек и пошел к трупам. – Надо карманы проверить, мне выжить надо. Получится – отомщу за вас! Я сам тебя найду, Чума!» Проверив карманы, нашел нож у хромого. У молодого ничего не было, ПДА исчез. Сталкер, испытавший на себе пси-атаку контролера, во внутреннем кармане хранил старую топографическую карту. Мятая, потертая по сгибам. Дембелек посмотрел на множество названий, линий, но пока ничего не понял, отложил до лучших времен, пригодится. Он закинул рюкзак через плечо, СВД наперевес, пистолет в кобуре, и пошел в Темную Долину. Возвращаясь прежней дорогой, мог нарваться на Чуму, и это было бы глупостью.

Глава 7. Лишь бы встретить людей

Впереди была ночь, и надо было решать проблему с ночлегом. Дембелек сразу откинул мысль о ночевке на земле и поэтому шел, выглядывая себе ночлег на деревьях. Нашел подходящее место у развесистого дерева неизвестной породы. Залез метра на четыре над землей, на двух соседних ветках натянул ремни и устроил что-то вроде гамака, пристроил рюкзак и СВД, устроился поудобнее и поужинал сухарями. Здесь, в Темной Долине, было сумрачно, ночь наступила сразу. Дембелек обрадовался вовремя найденному ночлегу и незаметно уснул. После пережитого, он спал крепко, без снов. Проснулся от того, что кто-то разговаривал, невнятно, слов не разобрать. Дембелек осторожно глянул вниз.

Там вокруг дерева-приюта ходил зомби, монотонно, круг за кругом, иногда останавливался, пытался что-то сказать сгнившим языком, мычал. Проблему надо было срочно решать, а то привлечет еще кого-нибудь из «своих». Дембелек взял вальтер поудобнее. Так как патронов было мало, целился тщательно и долго. Когда зомби сделал очередной круг и остановился как раз под ветками, пуля вошла ему в голову, выбив остатки разума. Пахло гнильем, и зомби без звука обмяк, как будто из него выдернули позвоночник. Дембелек на дырявую облезшую голову старался не смотреть. Заметил на поясе у зомби ПДА. Пришлось слезть за прибором. В нагрудном кармане рваного комбеза нашел еще и обойму с патронами от пистолета большого калибра. Опять залез на дерево, стал разбираться с ПДА. Экран тускло светился, батарея разрядилась почти полностью. Придется реже включать.

Светало, если можно сказать так о смене черных облаков на серые. Дембелек спустился с дерева и, поправив амуницию, с пистолетом наизготовку, двинулся вперед. Кусты, деревья загоразивали обзор. Деревья иногда переплетались в сплошной забор. Приходилось обходить, ориентироваться по солнцу было бы невозможно, здесь его, наверно, не бывает, да и полудохлый ПДА – небольшая помощь в выборе направления.

Лишь бы встретить людей! Дембелек понимал, что, не зная дороги, ему не выбраться одному. Заплутает, как неосторожный грибник в трех соснах, будет кружить, пока не сгинет в этой Долине. Карта, взятая у сталкера, помогла мало. Старая потрепанная, и нет на ней ни Зоны, ни ЧАЭС, бесполезная бумага, но зачем-то она была нужна тому, убитому...

Дембелек шел вперед, держась одного направления, обходя подозрительные кусты и деревья. Скоро его стало подташнивать, сознание на секунды проваливалось, и он потерял ощущение реальности, иногда видел, как во сне, молодую стройную женщину с девочкой лет пяти, в светло-голубом платье, с большим бантом на голове.

Дембелек даже заметил такие подробности, как развязавшийся синий бантик и оторванная лялочка на платье девчушки. Они шли, держась за руки, наверно очень устали, шли неровной походкой, иногда запинаясь о неровности на дороге. Дембелек почему-то никак не мог догнать их, крикнуть о помощи тоже, что-то мешало. Стоило ему из последних сил сократить расстояние до ста метров, как сознание омрачалось и его накрывала канонада собственного пульса в огромной пустой голове. Какое-то время Дембелек ничего не видел и не слышал, затем, придя в себя, вновь пытался догнать эту пару. Зачем он уже не знал, он только шел и шел за ними, отставая и догоняя вновь. Пока в редкую минуту просветления Дембелька не пронзила боль в ноге на уровне бедра, как будто в одно место вошла автоматная очередь. И он, схватившись за больное место, обнаружил и сам источник боли. С клочками ткани оторвал от комбеза напавшую на него птицу, приподнял повыше и внимательнее рассмотрел. С острым длинным клювом, из которого по-змеиному высовывался тонкий раздвоенный язычок, с ярко-красной шапочкой и пестрыми крыльями. Дембелек узнал птицу, вцепившуюся в ногу. Дятел! Отличие от дятла состояло лишь в количестве лапок. У этого дятла их было четыре, с острейшими коготками, которыми в данный момент дятел хотел царапнуть человека. Убивать птицу

Дембелек не хотел, а отшвырнул подальше от себя. Дятел нападать больше не стал, а, как дикая кошка, помчался длинными прыжками в сторону, иногда взмахивая коротенькими крылышками. Дембелек осмотрел рану. Комбез был пробит в нескольких местах, глубокие ранки кровоточили, и пришлось доставать аптечку. Обработав раны, решил принять и таблетки от радиации, так, на всякий случай. Он как бы облился ледяной водой, покрылся мелкими мурашками, потом его пробил крупная дрожь во всем теле, медленно тепло побежало по венам. И туман в голове постепенно рассеялся, и парень почувствовал себя намного лучше!

Он попытался трезво осмыслить ситуацию: женщина с девочкой – это мираж, он нахватался радиации, вот и мерещилось. При первом удобном случае надо сменить комбез и обновить аптечку. Появилось и чувство голода. Дембелек достал сухарь и стал грызть, откусывая как можно меньше. Он мусолил крошки во рту, пока они не растворялись в слюне полностью. Так ему казалось сытнее. «Тщательно пережевывайте пищу!» – девиз гастроэнтерологов.

Он сидел на камне, от сырости покрытом желто-фиолетовым мхом по кругу, а не только с северной стороны. Вокруг был лиственный лес, в основном дубы с желудями размером с хорошую еловую шишку. Желуди – любимая пища кабанов, и чернобыльские свиньи не исключение. Значит, можно ожидать появления этих тварей. Дембелек проверил СВД. Ствол чистый, перезарядил, затвор ходил свободно и легко. По ПДА прикинул примерное направление.

Надо уходить. Опять дорога через кусты. Дембелек заметил, что он начинает обходить какое-нибудь место. Оно ему почему-то не нравится, и все. С детства он жил в Семипалатинске, лазал, как все пацаны, по окрестностям, часто встречался с чем-то неприятным, таящим невидимую опасность, научился обходить такие участки. Вот и сейчас его как бы отворачивает от таких мест. Это как маленькие дети получают первый опыт ожогов от горячей пищи, сладких от мороза качелей, ударов электротоком от гвоздика в розетке, падений, ушибов. Запоминаются на всю жизнь, где-то на подсознательном уровне.

Так и у Дембелька принимается сигнал опасности, не только по внешнему виду, но и по внутренним ощущениям. Вот закололи кончики пальцев при приближении к ровной полянке с парой сухих листочков, кружащихся в воздухе маленьких вентиляторов. Дембелек, не задумываясь, обошел это место. А здесь по траве промелькнули искорки, пробежали с травинку на травинку, и почувствовал Дембелек чудовищную энергию, ждущую чьего-либо неосторожного прикосновения. Дембелек взял и бросил на это странное место стреляную гильзу. И, как весенняя молния, вырвался разряд и весело ударил в ближайшие предметы, обжигая их своей мощностью. Переливы и многоцветие этого действия завораживали, и Дембелек повторил еще раз. Разряд был слабее, молнии широкими лентами взметнулись, как в руках юных гимнасток, и угасти. Лес стал мрачней, как город после праздника.

В просвете между деревьями мелькнули красное и голубенькое пятнышки. Или опять показалось. Дембелек не был уверен, но идти все равно надо в ту сторону. Встретимся, если повезет. Лишь бы людей встретить!

И он уверенно пошел в ту же сторону. Вскоре попался ржавый трактор, стоявший посреди березовой рощи, хотя, судя по возрасту деревьев, а им было немало, трактор попал сюда лет двадцать-тридцать назад. Дембелек хотел машинально открыть кабину трактора и отшатнулся, заметив пробегающие по стеклам голубые молнии. За рулем в танкистском шлеме сидел человек, умерший давненько, но так и держался мумифицированными руками за баранку. Голова, обтянутая кожей, как пергаментной бумагой, держалась прямо, почти гордо, во рту блеснул золотой зуб. Дембелек тихонько пошел вперед, как будто боялся прервать путешествие тракториста. Оглянулся, и опять мелькнуло что-то красное среди белых, изогнутых в причудливые фигуры стволов. Дембелек пошел дальше, по прежнему направлению. Попался свежий одинокий труп сталкера в окружении нескольких мертвых слепых псов и россыпи стреляных гильз. Дембелек, сам удивляясь своей деловитости, заглянул в рюкзак и карманы сталкера. Пистолета нет, автомат «Гадюка» без патронов ему был не нужен. В одном контейнере был какой-

то артефакт, похожий на уже имевшийся у Дембелька, только как-то по-другому были спрессованы и окаменели почва с кузнечиками и земляная лягушка. Она подкрадывалась к добыче, когда время для них одинаково остановилось на века. Дембелек переложил артефакт к себе, а это был «грави». Если бы Дембелек узнал его и повесил на пояс, ему бы не грозили такие аномалии, как «трамплин». Зато аптечка, водка и вода были как нельзя к месту. А уж нож, а это был классный златоустовский нож, с широким лезвием и рукояткой из березовой коры. Не скользит, и вес небольшой. Правда, многие ругали эти ножи после разделки кабанчика, но Дембелек был уверен, из жирных рук и ежик выскользнет. Гигиена, прежде всего! Помой руки, вытри нож, сполосни рукоятку, вытри насухо и в ножны.

И еще, скажи кто-то Сереге Андронову, что он будет снимать со свежего трупа комбез – он бы врезал этому трепачу любимым приемом «слева в челюсть и алё!»! А сейчас он деловито вытряхивал труп сталкера из этого почти нового комбеза «Заря». Жизнь заставила: митяевская куртка порвалась вдребезги, четырехногий дятел продолбил и разорвал штаны. Только берцы выдержали длинную дорогу. Комбез этого сталкера даже псы не прокусили, крепкий, хотя в районе груди заштопанная дырка от пули. Не первый хозяин у этого комбеза...

Дембелек переоделся, стало теплее и удобнее двигаться. Что ж, надо искать дорогу и пора присматривать место для ночлега, и желательно подальше отсюда. На такое количество мяса в Зоне найдется куча желающих, и достаться им на десерт Сереге не хотелось. Он огляделся. Ничего не забыл и, вздохнув, пошел вперед. Через несколько шагов его остановил чей-то писк сзади, и сталкер резко повернулся, вскинув СВД к плечу. Сзади из куста вышел щенок. Он от выстрелов спрятался в ближайших кустах и сейчас вышел к Дембельку, как к единственному живому существу. Для него мир еще не делился на друзей и врагов, и он заволновался, когда понял, что опять останется один. Дембелек медленно опустил ствол. Щенок, неуверенно раскидывая в стороны лапы, приюхиваясь, шел по направлению к сталкеру. Он был размером с взрослую кошку, черноголовый, чернолапый и чернохвостый, белое туловище напоминало декоративный костюмчик для элитных собачек. Симпатичный, мордашка была как у французского бульдога, плоская, с беленькими усами, и только глаза оставались нераскрытыми, как у новорожденного. Щенок прижался к берцам, поймав шнуровку, стал смешно жевать, корча при этом уморительные гримасы. Потом положил мордашку на пыльный носок ботинка и притих, слегка похрапывая. Дембелек растерянно стоял, боясь потревожить сон щенка. Не бросать же здесь, среди трупов, куда через пару часов прибегут тушканы или другие твари. Щенок только разнообразит их меню. И взять с собой сложно. Что с ним делать? Сергей поднял его осторожно на руки и пошел вперед, поглаживая щенка за ушами, тот лизнул руку и продолжал похрапывать.

Надо искать ночлег, ночь в Темной Долине наступает внезапно. И тут впереди между деревьями опять мелькнуло красное платье. Дембелек осторожно двинулся в сторону женщины с девочкой. Незаметно в голове появился какой-то медленно нарастающий звук, как будто кто-то шуршит бумагой. Сергей вышел на поляну, посреди которой торчали из песка две половинки разорванной посередине трубы. Из каждой невысоким водопадом струилась вода, падая в образовавшуюся внизу небольшую лужу. В мельчайших брызгах над трубами сияла радуга. Как она была без солнечного света, Дембелька не заинтересовало. Его вообще ничего не интересовало, кроме щенка, он гладил маленький комочек, почувствовал какое-то успокоение, приятные воспоминания из детства, о таком же щенке и пятилетней соседской девочке в голубом платье. Дембелек отсутствующим взглядом посмотрел на женщину в красном платье с черными волосами и таким же черным лицом девочки с развязанным бантом, которую она держала за руку, стоявших на другом конце поляны. Девочка, не мигая, смотрела на сталкера синими глазами. Сергей, не задерживая внимания на этой паре, подошел к трубам, сел на песок. В луже вода была чистой и теплой. Сергей, зачерпнув пригоршню, дал попить щенку. Тот лакал, смешно фыркая, Сергей улыбнулся. Сейчас у него были только светлые мысли, он

не раздумывал, почему его не волнует предстоящая ночь, путь домой, аномалии, две фигуры на краю поляны. Ничего, только маленький щенок из детства, теплый чистейший песок, журчащая вода... Сергей прижался спиной к трубе, взял щенка на руки и уснул. Во сне он взлетал, носился куда-то за черно-белым щенком и розовым шариком, почему-то играл в куклы, читал стихи о маме на 8 Марта, брызгался водой в луже и рассыпался детским беззаботным смехом.

Проснулся Дембелек от мокрого языка щенка. Тот пробудился первый, взобрался на грудь к сталкеру и лизнул в нос. Сергей хорошо выспался и чувствовал себя отдохнувшим. Он открыл глаза, утреннее небо было покрыто серыми тучами, напоминающими мрамор, но то, что оно утреннее, – было точно. Тихонько журчал маленький водопад. Он подошел к воде, теплая, умылся, слегка замутив воду, и вдруг заметил, что муть поплыла в сторону трубы, поднялась по водопаду и исчезла в трубе. Вода вытекала из одной трубы и втекала в другую, как в задачке. Ничего странного, кроме того, что концы труб были на несколько сантиметров выше уровня воды в луже. Мелкие брызги так же создавали радугу, как и вчера. Сергей посмотрел на край поляны: там никого не было. Да и был ли кто? Дембелек засомневался, может, приснилось. Надо идти, он повернулся к щенку, тот сидел у рюкзака, как будто чего-то ждал. «Покормить тебя надо, малыш, и имя придумать, – подумал Сергей, доставая сухарь и размачивая его в воде. – Еда у нас пополам!».

В голове четко вдруг вспомнилось, что щенка зовут Шансон, Шансик, Шанс. Щенок опять смешно чавкал, завтрак закончился в хорошем настроении. Решив проверить направление, Дембелек достал ПДА, но экран не светился. Занести координаты этого места и уточнить направление невозможно. Но Сергей почему-то точно знал, куда ему идти. Лишь бы найти людей!

Он и щенок продирались через кустарники, обходили стороной подозрительные места и откровенные аномальные участки, где кипела странная причудливая своя жизнь, в каком-то другом, непонятном человеку, измерении. То попадалось дерево, убитое косматыми ржавыми нитями, то прозрачный воздух был спрессован с такой силой, что, стоило бросить в это горячее место гильзу, поднялся огромный столб гудящего всепожирающего пламени. Дембелек обнаружил аномалию по едва заметному искажению видимости и еле ощутимому теплу. Пару раз попадались «трамплины» и «воронки», но немного в стороне от пути сталкера. У Дембелька не однажды возникало чувство, что за ним наблюдают, он оглядывался, но никого не замечал. И не попадались животные, ни собаки, ни кабаны, ни тушканы, хотя вой и рев иногда был слышен, казалось, совсем рядом.

Вышел из леса на берег небольшой речушки с мостиком из двух поваленных деревьев. У мостика стоял кузов с открытой задней дверкой и надписью на боку «Хлеб». Рядом дымил, догорая, костер, валялись ржавые и блестящие банки из-под тушенки, битые бутылки и другой мусор, доказывающий всем, что цивилизация рядом.

Люди! Они ушли совсем недавно, час-два назад, не понятно, в каком направлении, но это уже не важно. В этих местах есть люди.

Догорал костер. Дембелек присел на скамейку из двух цинков от патронов и доски. Достал сухари, воду, и они с Шансоном погрызли свой обед, запивая водой из фляжки. Пить из речки не стали. Шанс вдруг встрепенулся и повернул голову с поднятым ухом в сторону небольшой горюшки. Дембелек включил ПДА, и экран слабенько засветился. На карте недалеко от своей «точки» горели еще две, и они сближались. Люди, сюда идут люди! Оценить расстояние до ближайшего человека Сергей не успел. Экран погас. На вершинке ближайшего пригорка показались двое, через прицелы разглядывающие Дембелька. Он встал и показал, что в руках ничего нет, СВД была прислонена к кузову. Шанс проковылял к винтовке и сел, охраняя оружие. Сергей хотел улыбнуться, но очередь из «гадюки» взрыхлила землю в сантиметрах от Дембелька. Он упал и сразу откатился под защиту фургона, вторая очередь хлестнула по кузову. Сергей схватил СВД и, выставив ствол в щель у петель дверцы, прицелился.

Шли двое, пьяные, самоуверенные, в полный рост, размахивая руками с автоматами, время от времени давая неприцельную очередь в сторону сталкера.

– Ну, че, вражина, прячешься! Иди сюда, фраерок! Высунься, и все ништяк будет! Ты к чужому костру сел, а не заплатил!!

Это были бандиты, в черных куртках и спортивных штанах, не желали никакого диалога, им было все равно, кто там. Главное, что это одиночка. Возможно, с хабаром...

Надо уходить в лес. Сергей, сунув Шанса за пазуху, перебежал по мостику на другую сторону и спрятался в ивняке. Бандиты не отставали. Один вытащил гранату и приготовился кинуть в кусты, и тогда Сергей навскидку выстрелил в бандита с гранатой. Тот вскрикнул, граната выпала из руки, пьяный собутыльник смотрел на простреленную руку орущего всякие матерные угрозы кореша. Взрыв. Тела разметало в стороны, и в ту же секунду сбоку в Дембелька вонзилась пуля. Эти двое отвлекали, третий бандит отключил ПДА и обошел сзади. Ударило в плечо и обожгло грудь, Дембелек упал, перекатился и, прицелившись, всадил пулю в черную куртку нападавшего. Того отбросило назад, он упал и не шевелился.

Дембелек расстегнул комбез и достал щенка, тот лизнул в руку! Сергей обрадовался. Живой! Не зацепило щенка. Вот так встретили людей! Отдышавшись, оглядел себя, пуля ударила в плечо и прошла по касательной через грудь. По коже грудной клетки шла рваная, как от удара пилой, рана. Надо будет обработать чем-то, пока прикрыть бинтом и закрепить пластырем. Дембелек приподнялся и побрел к третьему. Шансон бежал рядом с левой ногой и оставался, когда Сергей опирался на эту ногу. Подойдя ближе к лежащему человеку, Дембелек увидел злые глаза и ствол калаша, направленный ему прямо в грудь. В груди похолодело. Дембелек остановился, не делая никаких резких движений.

– Все-все, сдаюсь, вы же первые начали стрелять! Я же только из леса вышел!

– Конечно, все-все! Ты же корешей замочил, труба тебе теперь, фраерок, на ленточки порежу! – бандит встал, комбез был усилен бронепластинами, одна пластина свернулась в фантик от конфетки из СВД. – Ребро, сволочь, сломал, наверно! Убью!

Разъяренный бандит, издеваясь, всадил очередь под ноги Дембельку и прицелился в грудь. Щенок взвизгнул и высоко подпрыгнул от испуга. Дембелек поймал щенка в прыжке и прижал к себе.

– И слепыша твоего...

Бандит хотел договорить, но вдруг, выронив автомат и упав на колени, схватился за голову и взвыл:

– Контролер! Падла-а-а-а!!! Где-то рядом!!!

Его глаза налились кровью и потекли темными струйками по щекам. Он упал и задержался в судорогах.

«Контролер?» – Сергей испугано завертел головой. Никого.

Когда Дембелек повернулся, вроде заметил красное платье, но, может, опять показалось. Тишина. Автомат Дембелек брать не стал, взял у лежавшего бандита аптечку, водку и продукты. Сейчас они были важнее патронов.

Сергей сходил за своим рюкзаком, опираясь на СВД, и вернулся опять в лес. Шанс перестал дрожать и притих на руках, может уснул. Пошел Дембелек через кусты, как будто имея цель и зная дорогу. И немного удивился, выйдя на поляну с радугой. Он умылся, промыл и забинтовал рану. Шансон опять сел возле СВД и рюкзака. И зачесал лапой ухо так, что кувырнулся. Сергей засмеялся. Переночевали опять здесь. Место внушало безопасность и спокойствие. Шансон улегся на живот Дембельку, и они уснули. Опять детские сны об играх со щенком, мяч во сне прыгал по траве, такой ярко-зеленой, и день был такой солнечный, что защемило в душе. Сергей проснулся от тоскливого воя собак, где-то рядом, но почти сразу уснул вновь. Его как будто погладила мама. Спи, сынок!

Глава 8. Служба Митяя

Митяй трясся в кузове, глотая пыль вместе с молчаливыми спутниками, сжимал в руках автомат и думал о надвигающейся службе. После спора все завертелось очень быстро. Въехали на пригорок, слева и справа тянулись тройные заграждения колючей проволоки, сигналки, таблички с надписями «Осторожно! Мины!».

Лес, весь какой-то поникший, был вырублен метров на пятьдесят вокруг пригорка. Впереди был овраг, кривым шрамом прорезавший низину до рощи с пожелтевшими деревьями и коренастым низким, но невероятно широким дубом. На вершине пригорка стояло бетонное сооружение с бойницами на первом этаже и с прожекторами и пулеметными гнездами на втором. У входа в ДОТ стоял закопчённый мангал, он еще дымился слабыми струйками синеватого дыма и пах свежим шашлычком. Пустые, грязные шампуры были брошены в такой же грязный тазик. В траве блестели осколки бутылок. Чувство сонливого царства витало в воздухе. На крыше торчали причудливые антенны, два метра сложной конструкции, напоминающей Эйфелеву башню. Под ней было написано на стене «Париж».

Стоявшие у входа в ДОТ солдаты откровенно зевали, встречая смену. Начальники караулов, оба старшие лейтенанты, выглядели как близнецы, с опухшими лицами и трех-четырех-пятидневной щетиной, мятые комбезы лоснились на груди. «От жирной закуски!» – подумал Митяй

Смена погрузилась, помахала лениво вновь прибывшим и запылила обратно. Митяй держался рядом с Данилой – крепким парнишкой с наголо стриженной головой. Ужин, развод, караулка. Старлей пробубнил о чтении Устава и ушел, брякая непустыми бутылками в рюкзаке.

– Митяй, слушай сюда, старлей уйдет в запой, это надолго, если будет шляться по позиции с калашом, прячься, если попался ему навстречу – в глаза не смотри и кивай на все замечания. Голоса не подавай, он этого не любит! Зверь! Застрелить может. Его год назад кровосос напугал... Теперь сюда посылают, типа тихое место. Ладно, перекантуемся пять деньков. Я в четверг сбегая тут недалече, на хуторок, проведать надо кое-кого, а то здесь мобилы не берут из-за этой глушилки. – Данила улыбнулся так, что показал все оставшиеся у него желтые прокуренные зубы. Он автоматом показал на антенну. Французы посмотрели на антенну, прочитали «Париж», заулыбались, залопотали на своем.

– В общем, стоим по четыре часа по двое. Я на «Корде» в особых случаях, ты на прожекторе. СВД, АГС-17 или ПКС для поддержки – это на выбор. Сколько тут стоим, ни разу не стреляли серьезно, так иногда от скуки пальнем...

– А как же кровососы... на кабанах?

– Да это мы с твоим другом придумали, дома девушкам расскажем. Отсыпайся, смена с полуночи.

Так Митяй и втянулся в службу, Данила показывал устройство пулемета «Корд», ПКС, гранатомета АГС-17, снайперской винтовки Драгунова. В метрах ста висела на дереве крышка в сквозных дырах. По ней и потренировался в стрельбе из всех видов оружия Митяй. Часы летели незаметно.

«Корд» понравился больше всего, но сильная отдача при выстреле оставила под глазом хороший лиловый отпечаток.

– Вот ты и прошел курс молодого бойца! А то что за мужик – в армии не был!!

Прошел день, второй. Митяй уже изучил окрестности, вдали была роща чахлах деревьев, растущих вокруг невысокого коренастого дуба с широкой кроной и могучим крученым стволом. По направлению к дубу был песчаный овраг. Днем овраг выглядел не так мрачно. Просто глубокий шрам на земле, а то, что трава не растет, – так это от плодородия земли зависит. На

третий день под вечер в овраг свалилась слепая собака. Данила даже заговорил от волнения на своей мове:

– Дивись, хлопче!

Собака будто сошла с ума, кидалась на склоны, вертелась, выла, грызла себе лапы так, что кровью залила все вокруг.

– Що це з нею таке? – Данила взял собаку в прицел корда и дал очередь.

Собака свечкой прыгнула вверх, как будто хотела запрыгнуть на облака, упала обратно в овраг и больше не шевелилась.

– Невже здохла?

Митяй разглядывал собаку в бинокль и пытался понять, что её так напугало в этом овраге. Все было как всегда. Только в стенке оврага дыры от выстрелов. Митяю показалось, что выстрелов было меньше, чем пробойн, но мысль повертелась и угасла.

Началась ночь как-то неудачно, обрыв в кабеле наземной связи, как обстриг кто-то. Соединили провода, но один треск. Сообщили на базу, пообещали завтра связистов привезти. Затем со звоном лопнула лампа прожектора, пришлось включать запасной, маломощный, но ближе к полуночи у него лампа замигала и погасла. Пост остался в темноте, Данила встал к пулемету ПКС, припал к прицелу.

– Смотри, Митяй! В овраге!!!

Митяй взял бинокль. По дну оврага были рассыпаны красные угольки. Целая полоса из угольков, она шевелилась, угольки перемещались, и доносился какой-то шелест...

– Беги за начкаром!! Срочно! И лампу для прожектора возьми! – Голос у Данилы был напряжен.

Митяй рванул вниз. Добравшись до кабинета старлея, забарабанил что было сил, в ответ на пьяное мычание пнул по двери два раза. Третьего пинка не получилось, так как дверь пробила очередь из калаша. Митяй прижался к стенке...

– Старший лейтенант, там что-то происходит, Данила зовет, лампу надо!

Еще одна очередь хлестанула по двери, и раздался пьяный мат. Митяй рванул к миротворцам, союзники уже одетые выскочили в коридор.

– Там, там! – Митяй показывал на ДОТ. – Пиф-паф!

Французы побежали на верхний этаж ДОТа, Данила ставил прибор ночного видения на «Корд», АГС был уже с пузатой коробкой сбоку и прицелом ночного видения сверху.

– Где старлей? – крикнул Данила. – Тут непонятная заваруха начинается!!!

Впереди сгущалась темнота. Митяя поставили с калашом на левый фланг, французы справа, один за ПКСом. В прицел ночного видения казалось, что по дну оврага плещется зеленоватый ручей. Тревога нарастала, сердце билось так, что калаш подпрыгивал, в руках появилась нервная крупная дрожь.

– Митяй, тащи все цинки сюда, открывай, а то вдруг времени не будет.

Митяй притащил патроны и похлопал по прожектору – вдруг загорится. Внутри что-то поискрило, и лампа прожектора медленно накалилась. Митяй осторожно стал поворачивать луч в сторону оврага. Еще не опустил луч в овраг, а уже стали видны горбатые спинки каких-то животных, их глаза то светились ярко-красным, то беловатым блеском. Животные перемещались по оврагу, исчезая и появляясь из нор, которыми оказались усеяны стенки оврага. Видно, пули пробивали подземную сеть коммуникаций этих животных. Рассмотреть их подробно не удавалось, уж очень беспокойные твари. Всю ночь в овраге кипела жизнь. Твари дрались, визжали, фыркали, шипели и постоянно чем-то брякали. Ночь прошла без сна. Пару раз по мангалу и по траве у самого поста кто-то прошелестел.

Утром все стихло. Тварей разглядеть не удалось, сигналка на ограждении не сработала, мины не взрывались, только круглые дыры в склонах оврага напоминали о ночном происшествии. Часам к девяти приехал на мотоцикле ремонтник, починил прожектор, наладил связь.

Ухмыляясь, выслушал о ночном происшествии, сказал «ищите другого лоха» и уехал. На базу о происшествии докладывал пьяный старлей, долго, сумбурно и невнятно. На том конце провода уже и не слушали и отключились.

– Подмогу пришлют? – спросил Данила у старлея.

Тот, дыхнув перегаром и покачнувшись, просипел: «Пришлют, пришлют», поднялся наверх, взял бинокль и посмотрел на овраг. Что-то пробурчал под нос, ушел.

Французы пошли завтракать, о чем-то переговариваясь между собой и поглядывая в сторону двери комнаты старлея. В двери, обитой жестью, светило с десяток отверстий. Митяй посмотрел в дырку от пули и увидел, что старлей опять начинает пьянку. Он сидел в одном тельнике за столом, выпив, рычал и стучал кулаком по столу так, что подпрыгивали стаканы и тарелки. На столе лежал калаш и кобура с пистолетом. Старлей встал, его качнуло, он брякнулся обратно за стол, голова свесилась, раздался храп,

Французы сменили Данилу. И он с Митяем пошел завтракать. Открыли пару банок тушенки, разогрели в микроволновке. Заварили лапшу, сгущенку ели ложками, запивая кофе. И тут загрохотал «Корд». Вылетев на верхний этаж, увидели старлея с калашом за плечами, стреляющего из «Корда» по оврагу. Кобура с пистолетом болталась на шее. Французы стояли в углу, напуганные выходкой офицера. Один цинк с патронами для «Корда» опустел на глазах. Отдачей начкара все-таки отбросило в сторону, и Данила оттащил старлея от пулемета. Тот попытался дать в морду Даниле, но не смог вырваться из крепких рук солдата. Данила утащил летёху в комнату, забрав оружие, закрыл его там. Французы заверещали, показывая руками в сторону оврага, один подбежал к ПКСу и стал заряжать. Митяй кинулся к бойнице. В овраге шевелилась серо-черная масса. Твари сновали в норы, выскакивали из нор, падали на спины других, верещали, вставали в стойку. Их были сотни, похожих на сусликов, кротов или бобров, с черной полосой на сером мехе, длинными передними клыками, лапами с когтями, не короче зубов. Когда они стояли вертикально, то опирались на широкий лопатоподобный хвост, покрытый крупными чешуйками с металлическим блеском. Данила сказал, разглядывая в бинокль овраг:

– Надо бить сейчас, ночью нам не справиться.

– Может, не нападут? – с надеждой спросил Митяй.

– Нападут, связи опять нет, кабель оборван и утащен, значит, их «разведчики» были здесь. Гадать «нападут – не нападут» некогда!

Все стали готовиться. Француз сел за ПКС, второй за «Корд», автоматы рядом, патроны тоже. Митяй с ними рядом положил гранаты, аптечку, пару бутылок минералки. Данила поставил три коробки к АГС, проверил прицел и серьезно произнес:

– Стреляем по моей команде. Вместе со мной, короче!

Он долго прицеливался и крутил, выравнивал гранатомет. Выпрямился и нажал гашетку гранатомета. Гав-гав-гав-гав – гулко прогавкал АГС. Длинная очередь крупнокалиберного пулемета прошла по дну оврага, и еще раз, и еще, ПКСа почти не было слышно, только пламя, дым и горячие гильзы. Митяй, не видя цели, стрелял в пыль оврага с животными.

– Перезарядка! – крикнул Данила.

Он рывком поставил вторую коробку, припал к прицелу. Внезапная тишина звенела в ушах. Французы тоже все перезарядили.

– Ждем! – сказал Данила.

Пыль осела минут через двадцать, за это время животных не было видно. Склоны оврага чернели, зияли провалами диаметром по метру, там была пустота. Кровавые ошметки густо облепили оставшиеся стены оврага. Ни одной живой твари не было видно.

– Ждем! – опять сказал Данила.

Все усиленно всматривались в прицелы. Тишина. Время медленно текло к обеду.

– Митяй, тащи хавку сюда, не надо пост бросать. – Данила был серьезным и каким-то взрослым, суровым.

Митяй все разогрел и быстро притащил к бойцам, тревожно ожидавшим атаки.

– Как там летеха?

– На полу спит.

Ели по очереди, сначала французы, потом Данила с Митяем. Уже доедая кусок бутерброда, Митяй услышал:

– Prendre garde!! Чукер! Чукер! Агас!!

Он понял, скорее интуитивно или по тембру голосов, что дело плохо. Кто-то научил французов кричать «шухер» и «агас»!! Данила и Митяй кинулись к оружию. На дне оврага стоял крупный «суслик», размером с хорошую кавказскую овчарку. Он посмотрел на ДОТ и нырнул в проем, запоздало ударил ПКС.

– Эх, надо было мочить его, это, наверно, важная шишка в стае!

Из нор стали выпрыгивать твари, они выскакивали с одной стороны и моментально занывали в другую.

– Не стрелять! – Данила внимательно смотрел на поле боя.

Твари прыгали и прыгали из норы в нору, как бы дразня солдат. Их становилось все больше, некоторые стали отлынивать и уже не стремились выполнять указание «вождя» прыгать до посинения. Все уже стало приходить в спокойствие. «Суслики» опять собрались на дне оврага. Их, кажется, не стало меньше.

– Пора! – Данила дал пару очередей по пять гранат. Француз, Митяй так и не спросил, как его зовут, ПКСом сек вдоль середины оврага, кроша тела зверьков.

Второй союзник трассерами из «Корда» поливал склоны. Митяю опять ничего не было видно, кроме срикошетивших крупнокалиберных пуль. Он мочил наугад в клубы пыли и дыма.

– Стоп! – Данила остановил канонаду, но в отличие от первой атаки, суслики стали атаковать сами, не дожидаясь, когда осядет пыль.

ПКС срезал выскакивающих из столбов пыли грызунов, Митяю тоже приходилось выцеливать отдельных атакующих, пригодились ему уроки стрельбы. А твари все выскакивали и выскакивали, по одному, по двое, по трое. Гранат к АГСу осталась одна коробка – 29 штук. «Корд» тоже замолчал, от его стрельбы толку было мало, ничего не видно. Пыль постепенно оседала. Митяй увидел, как из крайней норы высовывается и сразу прячется мордочка «вождя», Митяй взял СВД, прицел увеличил так, что казалось, протяни руку и стукнешь тварь по усам. Митяй прицелился и, поймав «вождя» на движении вперед, выстрелил. Пуля ударила в нижнюю челюсть, оторвав её. «Вождь» дернулся назад, и моментально все суслики заверещали так пронзительно, что у Митяя заложило уши, как будто кто-то свистнул прямо над ухом. Атака прекратилась.

– Я в «вождя» стрельнул!

– Попал? – спросил Данила.

– Ранил...

– Это плохо...

Французы перезаряжали пулеметы, Данила закурил.

– Ты же не куришь?

– Не курил, да что-то подсказывает мне, что повредить здоровью куревом я уже не успею. – Данила усмехнулся. – Темнеет. Что будем делать?

– А что нам остается? Проектор давай на овраг, второй вокруг дота надо светить, двери везде закрываем, чтобы сзади не напали. Лишние бойницы щитами закрываем. Сами на верхнем этаже. Круговая оборона. Воды сюда принеси, стволы греются, да и пить хочется.

Митяй побежал выполнять приказ, он уже сам понял, что спасти их может только грамотное распределение обязанностей по обороне. Двери закрыл на засов и еще на щеколду, подумал и повесил замок на щеколду. Вдруг не услышит, как старлей проснется и выйдет отлить на свежий воздух. Бойницы на первом этаже были низко от земли и забраны сеткой. Митяй закрыл щиты. Первый этаж был полностью закрыт. Он перетащил бутылку с водой к бойцам, немного еды. Заглянул к старлею, тот опять, видно, пил, еще одна бутылка валялась на столе. Поднялся наверх по винтовой лестнице.

– Ну что, готовы?

Французы кивнули, Митяй протянул руку французам, сидевшему за ПКСом:

– Я – Митяй! – Он тыкал в себя пальцем. – Митяй Погромский!!!

– Бодуен, – француз заулыбался еще шире и ткнул пальцем в товарища. – Коломбо. «Бодун» и «Колумб» – подумал Митяй.

– Пошли!! – крикнул Данила.

Со стороны оврага выскакивали суслики по одному и каждый раз из разных нор. Митяй как-то нашел дома игрушку, еще отцовская наверно, «Ну погоди!» называлась, там волк яйца собирал. Очень похоже на то, что творилось в овраге.

Данила стрелял одиночными из калаша, беззвучно шевеля губами, наверно считал.

Вдруг сказал опять на украинском:

– Що то я не зрозумів, що це таке?

– А что?

– Не похоже на атаку, так, разведка боем или отвлекающий маневр, – Данила задумчиво посмотрел вокруг. – Митяй, заліз на дах и подивися повнимательней, прибор возьми ночного видения, темнеет.

Митяй вылез на крышу, подполз к самому краю и посмотрел вниз. Вокруг дота копошились серые тени. Митяй взял ПНВ. «Вот гады! Они стену скребут». Митяй стеганул очередью вдоль стены. Заверещали, запрыгали... «Высоко прыгают», – заметил Митяй и полез на другую сторону ДОТа. Там тоже скреблись тени, их не испугала близкая очередь. Митяй тщательно прицелился, калаш запрыгал в руках, тени прыснули в разные стороны. Три лежали у стены и дергались, один, раненый, сверкал красными глазами и фыркал. Контрольная пуля вошла в башку, оставив вместо лба кляксу.

Вернувшись к Даниле, доложил о задумке тварей.

– Не, бетон им не взять, – Данила и французы, как в тире, отстреливали сусликов.

Вдруг откуда-то прилетел камень и ударил в стекло прожектора. Звон стекла отвлек Митяя от прицела, второй камень ударил рядом с бойницей.

– Они что, камни умеют кидать, что ли?

Опять прилетел булыжник, и в этот раз точно в лампу прожектора.

Овраг погрузился в темноту, маломощный прожектор освещал слабо, но в этом слабом свете Митяй увидел бюрера. Он видел бюрера первый раз, но сразу узнал по рассказам сталкеров.

Невысокая толстенная фигурка с когтистыми тонкими ручками. Бюрер ел что-то и, одновременно пользуясь своими способностями швырять предметы, приподнял с земли камень и с силой направил в сторону Митяя. Митяй в прицел видел летящий камень, но вернуться не успел. Удар пришёлся в лоб.

Митяй потерял сознание. Очнулся он от того, что кто-то капал ему на лицо воду. Он открыл глаза, все плыло и раскачивалось. Голова Данилы склонилась над ним.

– Данила! – просипел Митяй.

Данила смотрел ему в глаза, но как-то невнимательно, сознание немного прояснилось.

– Данила! – еле слышно смог прошептать Митяй.

Данила шевельнул головой и фыркнул, изо рта Данилы стекала струйка крови прямо на лицо Митяя. Митяй дернулся и откатился в сторону. Данила висел на груди цинков, а на спине у него сидел «суслик» и копал спину, будто землю. В стороны летели куски мяса и сгустки крови. Две темные кучи в армейской форме миротворцев валялись под пулеметами.

«Это французы», – догадался Митяй. Он потянулся за автоматом. За спиной заверещали сразу два суслика. Митяй оглянулся, и четыре лапы с острыми как бритвы когтями ударили по голой шее. Голова Митяя покатила по винтовой лестнице, как срезанный кочан капусты, и упала в нору, прорытую в полу ДОТа.

Утром, приехавшая тревожная группа, не дождавшаяся утреннего доклада, обнаружила запертый дот с тишиной внутри. Кругом воронки от гранат, трупы неизвестных животных. Овраг выглядел так, будто по нему били из пушек. Поле было усеяно трупами этих тварей. У самого дота лежали искореженный бюрер и какое-то крупное животное с оторванной нижней челюстью. Нарвались на противопехотку. Что же тут произошло? Все настороженно переглядывались, держа под прицелом окрестности.

В этот момент внутри раздался выстрел, дверь дота загремела засовами.

– Да я кровососа видел, как тебя, салага!

– Живые! – выдохнул командир тревожной группы.

Дверь распахнулась. На пороге с пистолетом в руке, качаясь, стоял опухший от беспробудной пьянки старлей.

– Что! Вздумали двери от меня закрывать?! Салаги! Да я вас в дисбат сошлю! Вы у меня в нарядах сдохнете! – старлей обвел красными глазами окрестности, икнул. – Что вы тут наде- лали?.. Че тут было-то?..

Он, шатаясь, пошел вокруг поста, трезвея с каждым шагом. Сделав круг, молча зашел в ДОТ. Спецназ смотрел и молчал. Раздался вой, человеческий вой, страшнее волчьего... и... выстрел.

Глава 9. Местъ

Весть о нападении на караул Дальнего оврага разнеслась мгновенно.

В «Берлоге» все переговаривались вполголоса, и поэтому казалось, что всех связывает общая тайна. Головы сталкеров иногда поворачивались в сторону сгорбившейся фигуры у прилавка бармена.

– Да – судьба... – в который раз вздохнул бармен.

– Так и не увиделись... сынок, Сережка... – Хватай заплакал...

Плакал он без слез, по-стариковски, жмуря глаза и тыкая в них обрубком правой руки... в левой держал граненый стакан, на одну треть наполненный водкой...

– Хватай! Машина идет на Дальний овраг, поедешь?

– Да, да, да, еду! – Хватай засуетился, торопливо допил водку и засеменял к выходу под сочувствующими взглядами сталкеров.

В машине сидела группа спецназа, брошенная на раскрытие обстоятельств гибели целого караула. Все молчали, изредка бросая взгляды на старого сталкера, атмосфера была гнетущая. На посту все было оставлено так, как и раньше, при нападении. Новый караул жил в палатках. Пулеметные гнезда обложены мешками с песком, обнесены в несколько рядов путанкой, колючей проволокой. Две вышки, желтеющие свежими досками, по обе стороны ДОТа оцетинились стволами ПКСов. Приехавший капитан держал в руках папку с документами. У ног лежали упакованные в пластиковые пакеты какие-то вещи. Сталкер подошел. Он еще не знал, что спросит, он вообще не определился, для чего он сюда приехал. То, что сына здесь уже нет, сталкер знал и, подойдя к капитану, молча встал рядом. Поглядев на пакеты, увидел надпись «Рядовой С. В. Андронов». В пакете были мелкие вещицы, ключи, зажигалка, цепочка, гильза и... конверт. Письмо было потертое на сгибах от долгого ношения в кармане, замусоленное, сложенное пополам, лишь некоторые буквы адреса были видны. Хватай узнал эту завитушку у буквы «У». Жена. Он показал на письмо и спросил нерешительно:

– Можно? Это от матери, от жены моей, значит...

– Вообще-то, не положено, – вполголоса сказал капитан. – Но если это сын...

Он нагнулся и достал письмо. Протянул сталкеру. Тот взял, пальцы дрожали от волнения. Читать стал не сразу, сначала осторожно распрямил конверт и с каждой секундой вспоминал все больше о почерке, о жене, светловолосой девчужке с заразительным смехом, даже запах её духов, кажется, витал в воздухе... Сердце защемило...

– Ты что, сталкер? – капитан тронул за плечо.

– Ничего, ничего, все нормально, – но, не в силах стоять на ослабевших вдруг ногах, Хватай опустился на валявшийся, простреленный в нескольких местах мангал с погнутыми от взрыва ножками.

«Здравствуй, сыночек!!!»...

От этих слов вновь сжалось сердце. Жена писала о том, как ждет его, как хозяйство, как погода, как её здоровье. Обычное письмо, какие пишут матери сыновьям на службу, и только в конце, видно решившись затронуть болезную для обоих тему, она написала: «Сыночек! Прости за отца, он всегда был вспыльчивый, нагрубит, обидит, не разобравшись, потом корит себя. И тогда он, не разобравшись, наделал делов и страдания всем! Он – в тюрьме, я – на инвалидности, и ни в чем не виновный человек (я про Николай Николаевича) на больничной койке до сих пор. Вот так, сломал жизнь всем, приезжал он после тюрьмы, да не пустила я его, выгнала. Пришел потому что «героем»! Нарядный такой! Хвастаться начал, как хорошо он там жил... А как мы здесь жили – не спросил, как смогла на пенсию по инвалидности сына достойно одеть, обуть и в больницу этому бедному Николай Николаевичу фрукты да каши носить. Сами ели худо, а ему носили: невинно человек пострадал, всю жизнь теперь в больничной палате.

Да, что теперь говорить, а ты, сыночек, найди отца, хороший он, отец тебе все-таки. Ошибся он тогда, крепко ошибся, да судьба, видно, у нас такая. Бог его простит! И я простила.

Служи хорошо, сынок! Целую! мама».

Хватай, сжав единственный кулак, заскулил по-щенячьи. Неужели все-таки правда? И он увидел все как в кривом зеркале? Увидел то, чего не было, но что боялся увидеть. Он вспомнил, как, вернувшись из отцовской деревни домой, застал выходящего из спальни чужого мужика в своем халате.

– Где она?

– В ванной!

Двинул ему в челюсть, тот отлетел в стоявшее трюмо, зеркала полопались и ссыпались на чужака серебряными осколками. Как выскочила из ванной жена с какой-то тряпкой в руках. Увидев лежащего и окровавленного человека, схватилась за сердце и медленно сползла вниз. Он тогда выскочил из подъезда с окровавленной рукой, а соседки, хихикавшие перед этим, мол: «Твоя-то мужика в дом привела!» – оторопело замолчали. На суде потом они давали такие показания, что судья, ни секунды не сомневаясь, влепил десятку строгого. Хватай суда не помнил, один раз встретился глазами с заплаканной женой и отвел свои. Срок отсидел полностью. Вернувшись, не захотел являться в тряпье домой, на вокзале дней, точнее ночей, десять разгружал-загружал вагоны. Заработал кое-какие деньги, благо там не спрашивали паспорта. Некоторые расплачивались товаром, он приоделся в нормальные джинсы, рубашка с виду «Дольче Габбана». Сходил, подстригся и пришел к жене. С цветами. Он хотел просить прощения, но когда она открыла дверь, оглядела его и сказала «проваливай...». Он тогда гордо хлопнул подъездной дверью. Домчался на такси до вокзала и уехал в неизвестном направлении. Сына так и не увидел.

Скитался по вокзалам, по теплотрассам, пока не встретил безногого парня, вернувшегося из Чернобыльской Зоны. Тот рассказывал такие небылицы, в которые хотелось верить. Сейчас Хватай уже знал, что тот парнишка был новичок, кто-то взял его «отмычкой» и сунул в неизвестную аномалию. Парень вернулся без ног, но что-то его зацепило в Зоне, он захлеб рассказывал о ней, не жалея потерянных ног. И Хватай поехал сюда, в Зону.

Сейчас, прочитав письмо и наконец-то поверив жене, он понял, как выглядел по отношению к их жизни. Весь свой напускной лоск, ведь он думал, она цветет и красиво живет, и ему не хотелось показаться жалким зеком с вологодских зон.

Хватай очнулся от прикосновения, капитан стоял рядом:

– Судьба, старик, что поделать, потом вещи получишь, после оформления... – капитан взял письмо и положил в пакет, опечатал.

Хватай бесцельно побродил по лагерю, постоял у палаток, было заметно, что он обдумывает какую-то проблему. Так, незаметно двигаясь, Хватай зашел в ДОТ. У винтовой лестницы была нора диаметром более полуметра, через которую грызуны и напали на защитников блокпоста. Всюду были разбросаны гильзы, на полу и стенах отметины от пуль. Дверь справа была крест-накрест прошита очередью из АК. Стреляли изнутри. Сверху кто-то спускался. Хватай открыл простреленную дверь и вошел. Запах перегара, разбросанная постель, комбез на полу. Железный шкаф в углу, пустые бутылки, закуска, нож, из-под подушки видна оболочка гранаты. Хватай сунул гранату в карман. Взял свой, испытанный вылазками в Зону, нож и защелкнул в зажим протеза, куда последнее время закреплял только стакан, сам еще не совсем точно представляя, что собирается делать. Дверь сзади открылась, капитан зашел внутрь, заглянул:

– Сюда входить нельзя!

– Мне надо отомстить этим тварям, капитан! – Хватай прижал капитана плечом к стене и упер нож в область печени. – Мне очень надо! Виноват я перед сыном! Ты прости, капитан, очень надо! – Капитан бросил пистолет ПБ1с на стол. Хватай схватил его, ловко взвел

обрубком. – Мне бы посерьезней что-нибудь, с пистолетом пропаду. – Хватай взглянул в глаза капитану.

– Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, сталкер! – произнес капитан и медленно сунул руку в карман, и на стол упали ключи. Хватай смотрел на капитана, соображая, не провокация ли это. Затем, не выпуская из руки пистолет, взял ключ от шкафа. Открыть шкаф одной рукой невозможно, Хватай это понял, но можно ли доверять капитану. Хватай еще раздумывал, как вдруг пистолет вывернулся из его руки, и капитан уже стоял, прижав его правую руку с протезом-ножом к стене. Затем капитан забрал ключи, секунду постояв, открыл шкаф, там стояли автоматы «гадюки» и огнемёт с маленьким баллоном. Гранаты, прибор ночного видения, фонарик. Капитан показал на рюкзак с бутылками и махнул рукой к себе. Хватай выгрузил всю стеклотару, протянул рюкзак капитану. Тот деловито сложил гранаты, пару сигнальных ракетниц, фонарик, патроны. И легкий автомат. Посмотрел на огнемёт и перевел взгляд на обрубок руки, отложил в сторону, кинул пару банок тушенки, хлеб, аптечку, осмотрелся вокруг, закатал армейские берцы в комбез,

– Воды! – шепнул Хватай. Капитан кивнул, пара бутылок минералки легла в рюкзак.

Капитан подошел к двери, осторожно выглянул и показал «Вперед». Хватай выскользнул в коридор. Нора была как раз, чтобы пролезть такому человеку, как Хватай. Капитан опустил туда узел с комбезом и берцами, затем рюкзак. Хлопнул по плечу сталкера и ободряюще подмигнул, протянул ему ладонь. Хватай пожал крепкую пятерню своей левой и скользнул вниз.

– Давай, сталкер! Да поможет тебе Зона!

Капитан придержал его, плавно спустив ноги: в норе было не развернуться. Хватай полз в полной темноте, толкая перед собой рюкзак, метров через пятьдесят, когда сталкеру стало казаться, что ход никогда не кончится, нора увеличилась. Здесь можно было стоять, чуть пригнувшись. Сталкер переоделся, проверил оружие. Он уже не первый раз обходился в рейдах одной рукой, сначала трудности были, но потом приноровился. Переодевшись, приладил ПНВ-71а, вставил в протез нож. В тесноте нож не хуже автомата, а Хватай всю жизнь и правша, и левша. Через прибор ночного видения очертания норы были четче заметны, и скорость движения увеличивалась. Ход забирал влево от оврага. Так у Хватая на ПДК было видно, аномалий впереди не было. Ход длился метров сто и закончился перекрестком, влево и вправо расходились такие же норы.

Хватай задумался, потом потрогал землю ножом: влево – земля мягче. Проверить надо. Включив фонарь, Хватай двинулся вперед. Пройдя десяток метров, Хватай попал в круглую комнату, и на него кинулся непонятный зверь, похожий на бобра. Хватай резанул с ходу, несколько раз попал. Зверь бесшумно упал. Больше никого не было, только свисали с потолка корни деревьев. На корнях висели какие-то комочки. Ткнул ножом один комочек, тот развернулся, и сталкер увидел, что это присосавшийся к корню дерева детёныш. Маленькие красные глазки посмотрели на сталкера, и зверек, выпустив корешок, упал вниз и пискнул пронзительно.

Хватай рубанул ножом, голова отлетела. Остальные комочки тоже стали разворачиваться. И понимая, что они сейчас поднимут такой визг, что прибежит вся стая, Хватай принялся рубить налево и направо. Через минуту валялись только тушки...

Вернувшись на перекресток, сталкер включил ПНВ и пошел направо, уже приготовившись встретить опасность. И там на него кинулась «нянька», как подумал сталкер. Здесь, не дожидаясь, когда комочки раскроются, он порубил всех. В этой пещерке детеныши были крупнее и их было около двух десятков. Теперь на перекрестке он прошел прямо. Ещё два раза попадались комнаты с «няньками» и детенышами, присосавшимися к корням деревьев. Хватай понял, почему в округе деревья стояли понурые, вялые. Дальше он двигался осторожно, выглядывая из-за угла перед тем, как сделать очередной рывок. Вот впереди показалась арка, ход расширился, ПНВ мерцал, выдавая картинку с зеленою. Хватай подполз к краю: впереди

огромная комната, в стенах под потолком несколько нор, таких же, как и нора Хватая, от них вниз наискосок отходили тропки спуска. Казалось, что в земле отпечаток огромной шестерни с косыми зубьями. В центре был бетонный цилиндр с дверцей, на двери два рычага и штурвал. Странное сооружение. Внезапно раздался шум, похожий на шелест, и из нор стали спускаться не то крысы, не то бобры. Они выстроились вокруг цилиндра. К цилиндру подошел зверь покрупнее остальных, что-то проверещал и стал крутить штурвал лапками, потом потянул за рычаги, дверь открылась. Но открылась так, что Хватаю не было видно, что внутри. Зверек что-то бросил туда, а из двери стали вылетать, как будто их швыряла сильная рука, предметы. В ПНВ было не разобрать, что это, пока в одном предмете сталкер не узнал человеческую ногу. Гора выросла высотой около метра. Больше никто не кидал ничего. Зверек прикрыв дверь, потянул за рычаг и закрутил штурвал в обратную сторону. Проверещал что-то, и десятка три зверей кинулось на жратву. Они чавкали, толкались, отбирали друг у друга лучшие куски. Хватай не стрелял. Надо было выбрать наилучший вариант атаки. И все ли особи здесь. Он посчитал количество выходов – восемь. После трапезы звери поднялись к своим норам, в каждую по три, кроме той, что слева от Хватая – туда ушли оставшиеся во главе с крупным зверем. Хватай выглянул, до соседней норы справа вела тропинка чуть шире ладони. Спуститься вниз и вновь подняться вверх – еще рисковей. Сталкер пополз, тропинка была твердой и не осыпалась. Десяток метров Хватай пробирался почти полчаса, каждую секунду ожидая появления противника.

Добравшись, приготовил нож и полез внутрь норы. «Нянька» попалась сразу за поворотом, и Хватай рубанул чуть ниже морды. Зверек упал, суча ногами, как будто ехал на велосипеде. Добил «велосипедиста» и двинулся дальше. Второй был в комнатке с детенышами. Хватай зачистил эту пещерку, потом следующую, дошел до тупика, где увлеченно копался третий. Физически этот зверь был сильнее «нянек» и увертливей. С ним пришлось повозиться. Отдыхавшись, Хватай вернулся и пополз еще правее, там повторилось то же самое и в следующей. Четыре норы были зачищены. Раздался шелестящий звук. Выглянув вниз, Хватай увидел, что звери опять собираются вокруг цилиндра. Вожак опять проверещал торжественную речь и принялся крутить колесико, потянул рычаги. Дверь открылась, но с этого места её не было видно. Вождь подошел к двери и бросил туда что-то. Ничего не происходило, затем раздался рев. Как у зарезанной свиньи. Вожак отшатнулся назад. Ничего из люка не вылетело. Тогда вожак что-то прошелестел стоящим вокруг цилиндра зверям. Все зашевелились и вытолкнули из массы толстого грызуна. Он вертелся, пытаясь залезть обратно в кучу, но ряды сплотились, и ему ничего не оставалось, как идти к вождю.

Вождь подталкивая ставшую безвольной фигуру к двери. Как пропал этот грызун в проеме, Хватай не заметил. Взамен стали вылетать опять предметы. Хватай узнал кабанью тушу. Поев, все разошлись. Хотя их стало уже на одиннадцать меньше, но драки за еду были такие же. Хватай подумал, может, этому, в бетонном цилиндре, не хватило чего-то, что бросал вождь, и он потребовал жертву. Но что кидает вождь? Может, что-то находят, когда копают норы. Сталкер вернулся к грызуну-землекопу. Ничего не нашел.

Однако рано успокаиваться. Сталкер двинулся в следующую нору справа, в пятую. Там была неожиданность. Только залез в нору и, пройдя первый поворот, столкнулся сразу с двумя «няньками». Манера поведения зверей не отличалась от предыдущих. Они кинулись в атаку с разных сторон, только одна вырвалась вперед на прыжок, и Хватаю хватило доли секунды пробить в грудную клетку первую и, выдернув нож, встретить вторую. Обе «няньки» заверещали, когда сталкер поочередно добил их, на этот звук выскочил «землекоп» и с фырканьем атаковал. Передними когтистыми лапами он крутил как вентилятор, и попасть под эту смертоносную мельницу – значило погибнуть. Сталкер уронил нож из протеза и выхватил пистолет. Глушитель задержал движение, стрелять пришлось, уже когда зверь был в метре от сталкера. «Землекоп» отбросило в пещеру с детенышами. Те попадали вниз от своих «сосок» и, неуве-

ренно прыгая, пытались выскочить из пещерки. Хватай перехватил пистолет за горячий глушитель и стал, как в бейсболе, отбивать молодняк. Тельца с писком отлетали обратно. Черепушки крошились. Рука уже устала, и удары были все слабее, некоторых он затоптал ногами. Пистолет – это хорошо, да патронов одна обойма, не подумал о патронах капитан, да и на том спасибо, что помог. Письмо, видно, прочитал. А может, сам пережил что-то подобное. Видно было, что повоевал капитан и друзей многих терял. Знает, что это такое. Отдохнув, сталкер прошел в непотревоженную пещерку и добил ещё один выводок. Затем проверил тупик, где высилась гора копаной земли. Пошел к выходу, от постоянного хождения в согнутом состоянии заболела шея. Проходя мимо трупов, заметил, что у морды грызуна-«землекопа» лежат три камушка. Как бобы или желуди, и формой похожи, и расцветкой. Один черный полностью, два с фиолетово-розовыми прожилками. И отчетливо видны в ПНВ! Артефакты непонятные. Сталкер осторожно ковырнул ножом, никакого эффекта не было. Он взял камни и засунул в кармашек комбеза на правом рукаве. Потом разберусь. Подполз к выходу. Вовремя. Опять шелест! Да что они так часто собираются! Не спят совсем, что ли.

Зверей осталось примерно половина от первоначального количества. Вождь что-то проверещал, и к нему подошли грызуны, скорее всего это были «землекопы». Они отдали добычу, но и в этот раз вождь был опять недоволен – он зафыркал. От толпы отделился крепкий грызун и побежал наверх и начал с той пещеры, откуда приполз Хватай. «Сейчас поднимет тревогу», – подумал сталкер и поправил оружие. Но зверь выбежал из первой, спустился вниз и отдал что-то вождю, поднялся в следующую, через какое-то время спустился и вновь что-то отдал. Сообщать о погибших он не стал или не умел. Проверил третью и четвертую, также отдавая вождю находку. Сталкер понимал, сейчас прибежит в эту пещеру и присутствие его будет раскрыто. Он взял один из трех каменных «желудей» и бросил у входа, сам стал ждать. Раздался близкий шелест. Сталкер приготовил пистолет. Зверь был крупнее, чем остальные сородичи. «Армия или полиция», – подумал Хватай. Все стихло. Он осторожно высунулся: камушка у входа не было. Полицей довольствовался одним. Сталкер подполз к проему пещерки и кинулся обратно – по тропинке опять поднимался «полицей». Хватай пополз по коридору и спрятался в пещерке с убитым выводком. Ствол держал, прицелясь в центр входа, и, когда появился «полицей», всадил ему пулю точно в морду. Подождал, может он не один. Тишина. Сталкер опять вернулся к выходу. Процедура обмена закончилась, и все жрали, опять выясняя отношения. Пропажу «полиции» никто не заметил. Сталкер дождался, когда пир закончится, и подсчитал оставшихся.

В шестую нору пошли трое. Столько же в седьмую. И с вождем ушли восемь, самые крупные. Сталкер решил перекусить. Он отправился в конец пещеры и, включив фонарик, достал из рюкзака тушенку. Бутылку минералки открыл, достал нож, сполоснул его от крови и вскрыл банку. Отломил хлеба и только хотел откусить, как увидел в свете фонаря морду с горящими красными глазами. Сталкер замер: нож был вне пределов досягаемости, достать пистолет с такого положения было невозможно. Грызун, старательно обходя пятно света, приблизился к рюкзаку, остановился, передними лапами взял открытую банку и неторопливо пошел прочь. Зверь скрылся за поворотом, сталкер выдохнул, от такого наглого грабежа аппетит пропал. Он хлебнул воды, засунул хлеб в рот и стал жевать. Почему так получилось, сталкер не знал. А второй нож теперь стал держать наготове. Он оторвал половину шнура от берцев и, продев через отверстие в ручке финки, завязал. Теперь нож болтался, как варежки в детстве. Раздался шелест. Нож моментально оказался в руке. Пришли двое. Они медленно подходили к уже знакомому одному из них рюкзаку. На сталкера не обращали внимания, непуганые, что ли. Молодые, наверно. Когда они подошли на расстояние удара, сталкер положил их почти одновременно ударами двух ножей. Эти даже не верещали. «Минус два, должно остаться двенадцать», – подумал Хватай и полез в шестую.

Эта пещера оказалась подобием предыдущих, с одной разницей, что там было еще одно помещение, где лежали грызуны с поврежденными лапами. Они еле шевелились, но при появлении человека зафыркали и пытались укусить или царапнуть. Хватай ножами отражал атаки и прекращал мучения животных. Последним ему пришлось убить грызуна с обрубком правой лапы. «Надо же! Как у меня!» И что странно, грызун принял смерть достойно – он не верещал, а спокойно глянул в глаза сталкера и затих. Госпиталь у них здесь, что ли?

В седьмой норе были проблемы. Землекоп у самого входа чуть не сбросил Хватаю вниз! Завалив этого неожиданного нападавшего, Хватай не успел отдышаться, на него сразу двое, и тоже землекопы. Атаки были мощные, когти расплосовали Хватаю ногу, кровь струей стекла в берцы. Только благодаря шнурку он не выронил второй нож. Добивал с остервенением. Со злостью. Рюкзак чудом не скатился вниз. Стоило сталкеру его шевельнуть, как он начал сползать. Удержал. Достал аптечку, перевязал ногу, хотел вколоть обезболивающее, но тогда реакция и внимание уменьшатся. Придется терпеть.

Пополз проверять всю седьмую – кончилась тупиком, но справа было около десятка выходов, засыпанных совсем недавно. Земля пахла порохом, гарью, попадались осколки металла. Да, это были выходы в овраг во время атаки на блокпост. Звери отгородились, но, судя по количеству детенышей, усиленно пополняют поголовье и не будет спокойствия человеку рядом с ними.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.